

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94/99

Ю. Н. КРЯЖЕВ

Курганский государственный
университет

ПОСЛЕДНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА – АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВНА (ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ)

Статья посвящена жизни и деятельности последней императрицы Дома Романовых – Александре Фёдоровне, навсегда связавшей свою жизнь с судьбой России и прочно вошедшей в ее историю. Возможно, не со всеми подходами к проблеме, оценками и трактовками исторических фактов, явлений, событий здесь можно согласиться, однако содержательная часть работы, несомненно, представляет научный интерес не только для специалистов в области истории августейших семейств династии Романовых, но и для всех тех, кто интересуется отечественной историей.

Ключевые слова: Российский императорский дом, императрица Александра Фёдоровна.

Последняя российская императрица, Александра Федоровна, как историческая личность до сих пор не получила всестороннего, достаточно глубокого и объективного отражения в отечественной историографии. Современные знания о ее роли и месте в историческом круговороте событий первых десятилетий XX столетия в России во многом неполны, односторонни, иногда недостоверны, часто противоречивы. На протяжении более ста последних лет разные авторы дореволюционного, советского, постсоветского периодов, историки так называемого русского зарубежья, мемуаристы в своих работах

вели спор, высказывали диаметрально полярные суждения относительно личности императрицы Александры Федоровны, ее влияния на ход российской истории в начале XX века. Сегодня Россия на пороге второго десятилетия XXI века, однако данная проблема остается дискуссионной по настоящее время.

Вполне определенное и достаточно полное и объективное представление о личности императрицы, ее отношении к Николаю II, понимании ею политической ситуации в России, оценках событий, фактов, отдельных политических деятелей дают письма

Александры Федоровны к Николаю II, написанные в критические для царствовавшей династии годы (с июля 1914 по декабрь 1916 г.). Эти четыреста писем, конфиденциальных по своему характеру, не предназначенных для широкой огласки, не оставляют сомнений в искренности рассуждений и взглядов императрицы.

Значительное место в этих письмах, вполне естественно, занимают личные и семейные мотивы. Почти в каждом письме говорится о глубоких и нежных чувствах, которые она испытывает к любимому супругу, благодарит его за то, что на протяжении всех совместно прожитых лет никогда и ни о чем не сожалела. Этими чувствами проникнуты почти все письма императрицы. В письмах и телеграммах в Ставку во время Первой мировой войны она не могла высказать все, что чувствовала, «так как они проходят через столько военных рук, но ты между строками прочтешь мою любовь и тоску по тебе» [1, с. 3].

В каждом письме императрица старалась поведать Николаю II о всех членах семьи. Но, конечно, больше всего рассказывает она о наследнике Алексее, о состоянии его здоровья, которое так беспокоило и волновало всех Романовых. Александра Федоровна жила постоянными думами о семье, уделяла ей все свое время и силы, видела в этом свое главное предназначение. Сосредоточенность императрицы на семейных делах, и особенно на уходе за больным сыном, часто воспринималась придворными как ее надменность и высокомерие. Фрейлина Анна Вырубова вспоминала: Александра Федоровна «страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодная, гордая и неприветливая: таковой она осталась в глазах придворных и петербургского света даже тогда, когда все узнали о ее горе» (т.е. о неизлечимой болезни сына). Но и после этого клевета и слухи принимали, по словам Вырубовой, «чудовищные размеры» [2].

Немецкая линия в романовской династии постоянно и активно эксплуатировалась противниками Романовых, которых нередко именовали «Голштинской династией» [3]. Немецкая линия ведет свое начало от внука Петра Великого — Петра III, который по отцу принадлежал к династии герцогов Голштинских немецко-скандинавского происхождения. У всех последующих российских императоров матери были немецкими принцессами. И только мать последнего российского царя Мария Федоровна была датской принцессой Дагмар, но из того же голштинского рода. Супруга Николая II — принцесса Аликс была дочерью великого герцога Гессенского Луи IV и внучкой английской королевы Виктории (нынешняя королева Великобритании Елизавета II приходится Александре Федоровне двоюродной сестрой). Принцесса Аликс, в шесть лет лишившаяся матери, в детстве воспитывалась у своей английской бабушки. Отсюда ее великолепное знание английского языка, на котором она часто объяснялась и переписывалась с Николаем II, также превосходно им владевшим.

То, что императрица была немкой, не может служить основанием для утверждения, будто она не воспринимала все русское. Достаточно вспомнить Екатерину II, тоже немку по происхождению. Немногие русские государственные мужи выдержат сравнение с этой императрицей по части не показной, а действительной любви к России и заботы о ее благополучии и процветании.

Об отношении императрицы Александры Федоровны к России в литературе можно встретить самые разноречивые мнения. Лучше всего обратиться к ее письмам. В них она довольно часто затрагивает эту тему.

«Эта злосчастная война, когда же она кончится! — пишет она Николаю II в первые дни войны. — Я уверена, что William (Вильгельм II. — Ю.К.) должен временами переживать ужасные минуты отчаяния, когда он сознает, что это он и, особенно, его антирусская клика начали войну и тащат его страну к гибели». Она признавалась мужу: «Ты знаешь, как я люблю твою страну, которая стала моей. Ты знаешь, что для меня эта война во всех отношениях» [1, с. 13; 134].

Уважение к российским обычаям во многом определялось ее благоговением перед православием. Новую религию она приняла в трудные и неспокойные для Дома Романовых дни, после кончины Александра III. Нужны были срочные и неординарные меры для того, чтобы успокоить страну и укрепить положение монархии. К этим мерам относилось и бракосочетание Николая и гессенской принцессы Аликс, а значит, и принятие ею православия. На последнем особенно настаивал обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, уже в день смерти Александра III 20 октября 1894 г. обратившийся к будущему императору со следующим письмом: «Скорби нашей и плачу о возлюбленном государе нет меры и пределов. Но в эту страшную минуту надобно думать о России и о Вашем императорском величестве. Вся Россия давно жаждет видеть невесту Вашу православною. Она сама жаждет этого; этого желал в Бозе почивший родитель Ваш. Вы этого желали всей душою. В его болезненном состоянии трудно было приступить к нему с решением этого великого дела, — и оно не успело состояться до кончины его. Теперь — какое было бы счастье, какое утешение для народа, если бы можно было приступить к нему немедленно — пускай посреди горя, но на самом пороге нового царствования. Завтрашний день — день восшествия на престол считается днем — не траурным. Что препятствует завтра же совершить священнодействие? Оно не требует ни оповещения, ни присутствия многочисленных официальных свидетелей, может совершиться просто и тихо: вся семья собрана теперь в Ливадии. Приготовлений никаких не нужно. Но в тот же день последовал бы от имени Вашего манифест о сем, который поднял бы дух во всей России и для Вашего величества был бы великим актом вступления, так сказать, в народную душу. В манифесте можно было бы все это объяснить прекрасно. Чувствую, как больно в такие минуты о чем бы то ни было спрашивать императрицу. Но, повторяю, в этом случае не требуется никаких особых церемоний, которые смутили бы душу ее» [4].

Мемуары, посвященные Александре Федоровне, неизменно подчеркивают мысль о том, как трудно складывалась ее жизнь, сколько страданий выпало на ее долю. Один из мемуаристов пишет: «Я не выражусь сильно и буду прав, если определю государыню Александру Федоровну как самую несчастную и самую непонятую не только у нас в России, но и за границей женщину. То, что ей пришлось перенести и перестрадать, является величайшей трагедией, которая когда-либо падала не только на женщину, но и вообще на человека за время его земного существования» [5]. Сказано, возможно, слишком сильно, но немалая доля правды в этих словах присутствует.

В жизни императрицы Александры Федоровны, связавшей свою судьбу с многострадальной Россией, и в самом деле было немало драматического. Целых десять лет мучительно и тягостно ожидала она рождения наследника. Но появление его на свет не принесло успокоения и семейного счастья: вскоре у него обнаружилась тяжелая, неизлечимая болезнь —

гемофилия (несвертываемость крови), передаваемая по наследству от матери и только к мужскому потомству. Александра Федоровна чувствовала себя виноватой в болезни сына и это еще больше ее мучило. Собственно носителями этой болезни были мать Александры Федоровны — Алиса, дочь британской королевы Виктории, сама английская королева, а также родная тетка Александры Федоровны — Беатриса и две ее сестры: двоюродная — Евгения и родная — Ирэн, а один из племянников императрицы — Генри, страдавший этой же болезнью, прожил на свете всего четыре года.

Страну сотрясали войны и острые социальные конфликты. В правящей династии не прекращались интриги, сплетни, пересуды. Они будоражили петербургские великосветские салоны, создавали вокруг императрицы отрицательную ауру. Императрица искала утешение в уединении, вела замкнутый образ жизни, сократила общение с придворной камарильей, а также с членами императорской фамилии. Но и это оборачивалось против нее. Определенную роль в замкнутости и обособленности императрицы сыграло и то обстоятельство, что она не вполне свободно изъяснялась на русском языке, да к тому же с сильным английским акцентом.

Стали нарушаться и некоторые традиции Дома Романовых, строго соблюдавшиеся при прежних императорах, в частности, семейные обеды у государя. В первые годы царствования Николая II эту романовскую традицию более или менее соблюдали, но постепенно от нее стали отходить, а потом вообще предали забвению, чему в немалой степени способствовали конфликты и ссоры внутри романовской фамилии.

При том постоянно нервном напряжении, в котором пребывала не отличавшаяся крепким здоровьем императрица (она часто жаловалась на сердце), она не должна была, казалось бы, заниматься другими, не семейными, делами и вмешиваться в такую сложную сферу, как политика и государственные дела. Однако будучи властной натурой, она лучше чем кто бы то ни был видела слабости, присущие Николаю Александровичу, его вечные колебания и нерешительность, особенно там и тогда, где и когда следовало проявить решительность, силу воли и применить власть. По свидетельству гувернера цесаревича Алексея П. Жильяра, Николай II «слишком сомневался в самом себе: отсюда все его неудачи. Его первое движение бывало всего чаще верным, но несчастье заключалось в том, что, сам себе не доверяя, он редко ему следовал. Он искал совета у людей, которых считал более сведущими, чем он, и с той минуты переставал владеть положением — оно ускользало из его рук; он колебался между противоположными мнениями и часто кончал тем, что присоединялся к мнению, наиболее противоречившему его собственному чувству». Как считает мемуарист, влияние легко возбудимой по природе Алисы на государя было «очень велико, но почти всегда губительно. Она сделала из политики вопрос чувства и личного предпочтения и слишком часто руководилась симпатиями или антипатиями — своими собственными, или своих окружающих». Особенно усилилось это влияние после того, как государь принял на себя верховное командование, а императрица стала принимать все большее участие в государственных делах [6, с. 194 — 195; 132].

Императорскую чету объединяло еще одно обстоятельство. Некоторые мемуаристы определяли это как мистическую покорность судьбе, как готовность последнего императора «скорее подчиниться обстоя-

тельствам, чем руководить ими» [6, с. 195]. Не случайно ко двору тянулись спириты, всевозможные медиумы, разного рода «целители душевных мук», а заодно и всякие авантюристы и просто мошенники. У императрицы это упование на чудо, склонность к мистике питались ощущением постоянной тревоги за жизнь наследника, что стало едва ли не главной причиной столь стремительного роста ее доверия к малообразованному мужику из далекой сибирской деревни Покровская Тобольской губернии Григорию Ефимовичу Распутину.

О Распутине написаны многие тома. И тем не менее остается еще масса загадок и неясных моментов, связанных с этой личностью. В начале XXI столетия Распутин по-прежнему остается в поле общественного внимания и не только в нашей стране, но и за рубежом. Некоторые авторы пытаются представить его таким ясновидцем, обладавшим пророческими способностями, умевшим предсказывать ход событий. При этом утверждается, что многие его предсказания сбылись (ссылаются обычно на слова Распутина о том, что в случае его смерти в России начнутся великие волнения и все будет залито кровью).

Очевидно, столь стремительное утверждение Распутина при дворе было обусловлено определенными качествами, ему присущими. Не только фрейлина Вырубова, испытывавшая к нему особое расположение, но и другие современники свидетельствуют, что при своей заурядной внешности Распутин производил на людей сильное впечатление. От него исходила какая-то властная сила, в чем-то напоминавшая действие гипноза. С ее помощью он воздействовал на наследника в моменты обострения у него болезни. У больного наступало заметное облегчение и нередко останавливалось кровотечение. Разумеется, все это еще больше усиливало влияние Распутина на весьма импульсивную и набожную императрицу, доверявшую чудодейственным возможностям этого человека и не замечавшую всего скверного и гнусного, что связывалось с его именем.

В.Э. Шуленбург рассказывает (со слов Жильяра) о таком весьма любопытном случае. Гостивший в Ставке цесаревич Алексей направлялся вместе с отцом в поезд на очередной войсковой смотр. По пути следования у наследника внезапно началось столь сильное и опасное кровотечение, что было решено немедленно отправиться в Царское Село. Находившийся при цесаревиче Жильяр каждые два часа телеграфировал императрице о состоянии сына, которому становилось все хуже и хуже. Но за несколько часов до прибытия в Царское Село кровотечение остановилось. Передать эту новость императрице Жильяр уже не мог, так как поезд шел без остановок. Когда состав подошел к перрону, вышедший из вагона Николай II сообщил встречавшей их бледной и измученной тревогой императрице, что кровь остановилась, Александра Федоровна тихим и слабым голосом спросила Жильяра, не заметил ли он, в котором часу это произошло. «В шесть часов двадцать минут», — был ответ. «Я знала об этом», — произнесла императрица по-французски и показала телеграмму, полученную от Распутина: «Бог поможет, будет здоров». Телеграмма эта была отправлена в 6 часов 20 минут. Для императрицы это не было простым совпадением, поскольку касалось любимого сына. К тому же подобные совпадения случались не единожды. Поверив в чудодейственную силу Распутина, она уже не могла расстаться с этой верой.

Жильяр завершает свое повествование следующими словами: «Я — швейцарец и держусь взглядов

демократических, но мне бывало всегда стыдно, когда мне приходилось защищать государыню императрицу от нападок на нее лиц высшего русского общества, считавших себя монархистами [7, с. 47–48].

Александра Федоровна, а в какой-то мере и сам Николай II стали жертвами одной из самых чудовищных мистификаций, которая имела тяжелейшие последствия не только для царствующей династии, но и для всей России. На религиозную императрицу большое влияние, несомненно, оказало и то, что перед личностью Григория Распутина не устояли и иерархи Православной церкви, проявив к нему неоправданно высокое внимание и почтение. Возможно, на них произвел сильное впечатление тот факт, что Распутин совершил паломничество в Иерусалим, преодолев в веригах долгий и трудный путь из Сибири в Петербург пешком. Но пока священнослужители решали для себя вопрос, кто он: «бес или ангел» [8], Распутин стремительно ворвался в петербургские великосветские салоны и очень скоро занял в них, благодаря покровительству двора и особенно императрицы, исключительное положение.

Императрица готова была исполнить любые его просьбы и советы. Она называла Распутина не иначе, как «божий человек» или «святой старец» и очень скоро причислила к кругу самых близких и преданных друзей трона. Более того, по тому, как тот или иной российский государственный деятель относился к Распутину, она определяла, насколько тот лоялен к короне. Эту мысль она постоянно и не безуспешно внушала императору. «Враги нашего друга, — писала Александра Федоровна Николаю II, имея в виду Распутина, — наши собственные враги». Она свято верила в то, что если «мы дадим преследовать нашего друга, и мы и наша страна от этого пострадают» [1, с. 133; 146]. Те, кто выступал против «друга» и тем более пытался преследовать его, подлежали смещению с занимаемых ими постов. При этом ее не смущали ни чины, ни звания, ни положение подозреваемых в нелояльном отношении к Распутину. Императрица постоянно и категорически настаивала на том, чтобы Николай II прежде чем принять какие-либо серьезные решения, осведомлялся у Распутина, получал на них благословение.

Между тем Александра Федоровна пыталась по-своему объяснить причины министерской чехарды. «Где люди, я всегда это повторяю. Я просто не могу понять, как в такой великой стране случается, что мы никогда не находим подходящих людей, за редкими исключениями» [1, с. 205–206]. Но дело, разумеется, было не в отсутствии подходящих людей, а в той позиции, которую занимали сами император и императрица, приближая к себе и выдвигая на государственные посты исключительно тех людей, которые, по их мнению, поддерживали монархию безоговорочно. Верноподданничество — вот тот принцип, который перекрывал все остальные качества будущего государственного деятеля, в том числе и такие, как компетентность, порядочность и т.д. На этих то струнах и играл Распутин, рекомендуя своих избранников на тот или иной высокий государственный пост, превознося их благонадежность и беспредельную преданность трону.

Вмешательство императрицы в дела и политику государства принимало все более широкие масштабы и обуздывать эту ее активность, как казалось многим, не представлялось уже возможным, если, конечно, не прибегать к крайним мерам. Оно вызывало вполне объяснимое недовольство тех, кто лучше других понимал, к каким тяжелым последствиям это способно

привести. Можно понять тех министров правительства Горемыкина, которые были не согласны с решением императора отстранить великого князя Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего и назначить себя на этот пост. Их волновало не столько само смещение с этой должности великого князя, сколько стоявшая за этим актом опасность для страны, поскольку в этом случае государю пришлось бы значительную часть своего времени проводить в действующей армии, что неизбежно вынуждало бы его все дальше отходить от государственных дел, которые перешли бы к императрице. У министров были все основания полагать, что в отсутствие императора Александра Федоровна попытается вести себя как его законный заместитель и требовать, чтобы министры являлись к ней с докладами. Видя всю опасность такого развития событий, они обратились к императору с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Вчера в заседании Совета министров под Вашим личным председательством, мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был устранен от участия в верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, — всей верной Вам России. Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями. На том же заседании воочию сказалось коренное разногласие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри России событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение во всякое время недопустимое, в настоящие дни — губительно. Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине» [9].

Письмо это, подписанное восемью министрами, среди которых были такие известные государственные деятели, как министр иностранных дел С.Д. Сазонов, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, управляющий министерством внутренних дел Н.Б. Щербатов осталось без ответа. Впоследствии подписавшие его лишились должностей.

Необычайно высокая политическая активность императрицы не ограничивалась сферой государственных дел. Она распространялась и на дела церковные. Ни одно сколько-нибудь значительное назначение или перемещение по службе в Русской православной церкви не ускользало от ее внимания. Она следила за возведением служителей церкви в более высокий сан, влияла на решения Святейшего Синода, открыто демонстрировала свои симпатии или антипатии к тем или иным иерархам. Вмешательство императрицы лишь усиливало трения и разногласия в церкви, углубляло неразбериху и нарушало нормальный ход церковной жизни России, а также наносило значительный вред авторитету церкви, ее влиянию в российском обществе.

Императрица была убеждена в необходимости повсеместного ужесточения самодержавной власти. Александра Федоровна была противницей конституционного строя, Государственной думы. «Никогда не забывай, — наставляла она Николая II, — что ты есть и должен остаться самодержавным императором. Мы не подготовлены к конституционному правлению. Это вина Н[иколаши] и Витте, что вообще существует Дума, и тебе она причинила более хлопот, чем радости» [1, с. 138]. Императрица злобно и язвительно

отзывалась о председателе Думы М.В. Родзянко, называла его «мерзавцем» [1, с. 53].

Для многих, кто близко знал императрицу Александру Федоровну, исследовал ее жизнь и деятельность, так и осталось загадкой, почему при ее простоте, как считали некоторые мемуаристы, уме, кристальной душе, глубокой вере в Бога, при ее смиренности и скромности [7, с. 6], ее не приняло российское общество. А между тем она, хотя знала откуда и от кого это исходило, и, более того, все это сносила молча, продолжала думать о том, чтобы для России наступили времена пробуждения. «Что-то будет после того, как кончится эта великая война, — писала она Николаю II, — будет ли пробуждение и возрождение во всем — будут ли еще идеалы, станут ли люди чище и поэтичнее, или они останутся сухими материалами, так много хотелось бы знать. Но эти страшные страдания, которые перетерпел весь мир, должны очистить сердца и умы, и застоявшиеся мозги, и спящие души; ах, если бы можно было только мудро направить все в правильное и плодотворное русло» [1, с. 30].

Но кто, как не сама императрица, препятствовала тому, чтобы процесс обновления страны развивался в правильном и плодотворном направлении! Между тем, если бы Александра Федоровна могла своевременно осознать простую истину, что политика — не ее удел, намного сильнее и увереннее чувствовала бы себя и она сама, и Россия.

Библиографический список

1. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II [Текст]. — Т. 1. — Берлин, 1929. — 239 с.

2. Вырубова, А. А. Страницы из моей жизни. — Фрейлина ее величества Анна Вырубова [Текст] / А. А. Вырубова. — М., 1996. — С. 244, 261.

3. Готье, Ю. В. Мои заметки [Текст] / Ю. В. Готье // Вопросы истории. — 1991. — № 6. — С. 160.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1227. Л. 18 — 19.

5. Марков, С. Покинутая царская семья. 1917 — 1918. Царское село — Тобольск — Екатеринбург [Текст] / С. Марков. — Вена, 1928. — С. 17.

6. Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П. Жильяра [Текст]. — Вена, 1921. — 346 с.

7. Шуленбург, В. Э. Воспоминания об императрице Александре Федоровне [Текст] / В. Э. Шуленбург. — Париж, 1928. — 487 с.

8. Илиодор [Сергей Труфанов]. Святой черт (Записки о Распутине) [Текст] / Илиодор [Сергей Труфанов]. — М., 1917. — С. 42, 43, 120.

9. Сазонов, С. Д. Воспоминания [Текст] / С. Д. Сазонов. — М., 1998. — С. 365.

КРЯЖЕВ Юрий Николаевич, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры отечественной истории и документоведения.
Адрес для переписки: e-mail: kryazheff1958@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.04.2010 г.

© Ю. Н. Кряжев

УДК 370(09)

И. В. НЕУПОКОВ

Курганский институт государственной
и муниципальной службы
Филиал ФГОУ ВПО «Уральская
академия государственной службы»

ВНЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ «ОБЯЗАННОСТИ» ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УЧИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВВ.)

Содержание настоящей статьи находится на стыке отечественной истории и истории народного образования. Написанная на основе архивных материалов, она посвящена различным видам деятельности дореволюционного учительства, которые выходили за рамки его чисто профессиональной компетенции.

Ключевые слова: учитель, школьное общежитие, сельскохозяйственные курсы, курсы пчеловодства.

Помимо собственно учительских функций дореволюционный учитель, в силу различных причин, был вынужден заниматься другими дополнительными видами деятельности. К одному из таких видов следует отнести заведывание ученическими общежитиями, которые с XIX века стали образовываться при

начальных сельских школах Тобольской губернии. Хотя известно, что школьные уставы, положения и инструкции вовсе не предполагали их официального существования. Так, в «Наставлении для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян» 1843 г. было записано, что

«Дети, привозимые из других селений для отдачи в училища, размещаются родителями у родственников и знакомых» [1]. Только при гимназиях на основании Устава 1828 г. учреждались пансионы, в которых «Директор гимназии есть вместе и директор пансиона.... Сверх того, при пансионе находятся комнатные надзиратели и эконом...». Первое упоминание об официальном создании общежитий в нормативно-правовых актах автором обнаружено в «Положении о попечительствах при начальных училищах» 1907 г.: «Попечительства должны заботиться о том, чтобы всем детям школьного возраста данной местности предоставлена была возможность учиться в школе. В сих целях попечительства могут устраивать помещения для ночлега учеников» [2].

Создание таких общежитий было вызвано спецификой поселенческой структуры губернии. Поэтому идея устройства общежитий исходила как от самих крестьян, так и от учебного начальства. Из путевого журнала наблюдателя церковных школ Тобольской епархии за 1890/91 уч. год следует, что крестьяне села Липоярского и ближайших деревень на сходе решили «перестроить старую церковную сторожку, приспособив ее для школы с квартирою для учительницы и ночлежною комнатою для деревенских учеников» [3]. Тобольская Духовная Консistorия апрельским 1899 г. указом на имя благочинного протоиерея Иваницкого разрешила прихожанам Щучинской церкви постройку на собственные их средства «ночлежной комнаты для учеников школы» [4]. В июле 1901 г. инспектор народных училищ в письме на имя крестьянского начальника 2-го участка Курганского уезда рекомендовал: «Глядянское училище: необходимо устроить при училище общежитие, так как близ лежащих деревни, в особенности дер. Березова, в 8-и верстах, где детей школьного возраста очень много, несомненно, отдали бы их в училище, если бы при нем было устроено общежитие» [5]. Епископ Тобольский и Сибирский по результатам обозрения приходов епархии зимой 1901 г. так комментировал ситуацию с общежитиями: «Здание местной Аремзянской церковно-приходской школы зимами холодно и до сих пор не устроено при нем общежития в особой пристройке, хотя деньги на эту пристройку давно отпущены»; Березовская церковно-приходская школа нуждается в «устройстве при нем общежития для учеников из деревень»; «Для устройства в нижнем этаже Тевризской церковно-приходской школы общежития для учащихся нужно 100 рублей, которые и предлагаются Епарх. Училищному совету, если это окажется возможным, ассигновать из своих средств безвозвратно» [6].

Согласно собранным в 1894 г. сведениям С-Петербургского комитета грамотности известно, что ночлежный приют имелся при нескольких сельских училищах Курганского уезда. При Утичевском: «Приходящие ученики в зимние месяцы остаются ночевать в училище, принося хлеб из дома, а иногда и чай; последний, а равно картофель или горох, получают и от учителя»; при Утяжском: «Одна комната при училище, длина 7 аршин, ширина 4 аршина, высота 4 аршина, содержание не стоило ничего, ночлежников 7 человек, пища не дается»; при Иковском: «особо устроенного ночлежного приюта не имеется. Ученики же, остающиеся ночевать, помещаются в комнате сторожа, ночуют также и в прихожей»; при Кривинском: «Ученики соседних селений помещаются в кухне учительницы» [7]. В 1909/10 уч. году общежития имелись при 18 сельских школах Тобольского уезда. В общежитиях жили от 2 до 5 детей, а в некоторых до 50 человек. Ночлежные комнаты имелись только

в 6 общежитиях. Дети спали в коридоре и кухне на полу. В некоторых школах устраивали палаты. Очень тяжелая обстановка сложилась в крупных общежитиях при Новосельской и Уватской школах: «В коридоре ночью от смрада, распространяемого онучами и чулками, развешанными для просушки, трудно дышать. От тесноты между детьми сильно распространяется чесотка. Кроме того, во многих школах, если только не во всех, в коридорах очень холодно, дети простывают, начинают сильно кашлять и болеть». Из всех школ с общежитиями только одна Уватская находилась в селе, где имелся фельдшерский пункт. По этой причине учителя были вынуждены приобретать лекарства за свой счет.

В школах без общежития учитель приходил на занятия в 9 часов утра и заканчивал вести уроки к 3 часам дня. 2–3 часа он тратил на проверку тетрадей и подготовку к следующим урокам. После этого учитель свободен. В школах с общежитиями ученики вставали в 6 утра. В то же время приходилось вставать и учителю. С 6.30 до 8 часов дети под наблюдением учителя делали уроки, потом сидели на занятиях. Зимой с 5, весной и осенью с 6 до 9–10 часов вечера, пока ученики не спали, учитель находился в классе среди детей. В этом случае учитель работал 15–16 и более часов в сутки. О подобной ситуации сообщала инспектору народных училищ 2-го района 15 марта 1908 года учительница А.Шалабанова: «Имею честь доложить Вашему Высокоородию, что я не только не отказываю детям в учении, но охотно помогаю даже не в урочное время. Как Вам известно, в школе живут ученики, да еще из нашего села приходят ночевать и я с ними занимаюсь часов до девяти вечера» [8]. Подобное же положение было и в 1912 г. в Падеринском двухклассном училище. Для ночлега 30 приходящих из ближайших деревень учеников было отведено две комнаты — отдельно для мальчиков и девочек. «Для таких детей сторожиха три раза ставила самовар и «варила варево». С наступлением сумерек зажигалась 30-линейная висючая лампа «молния», ребята рассаживались за длинным столом готовить уроки. Тут же сидел дежурный учитель, проверяя тетради. После подготовки начинались беседы с учителем, песни, интересные чтения, а перед сном прогулка на свежем воздухе, катание на катушке или с Марайской горы. Для этого забирали с какого-нибудь двора сани и гурьбой, вместе с учителем, затаскивали их на высокую гору... Иногда в месячную ночь просто гуляли по селу. Учитель показывал на небе созвездия и рассказывал об устройстве вселенной. Проводились прогулки даже ко кладбищу за селом, чтобы рассеять суеверный страх к месту захоронения. К 10 часам, бодрые и веселые, возвращались к месту ночлега, разбирали связанные постельки и укладывались спать прямо на полу» [9].

Власти пытались предпринимать определенные меры содействия в этом вопросе. Так, посещая северные школы в 1909 г. тобольский губернатор сделал внушение волостным старшинам по поводу пристройки к школьным зданиям ночлежных комнат. В сентябре 1911 г. председатель Курганского уездного отделения Тобольского епархиального училищного совета священник А.Коровин требовал от заведующих церковными школами: «если дети остаются в школьном здании на ночлег, то необходимо иметь для них самовар» [10].

Тем не менее за заведывание общежитием учитель дополнительной оплаты не получал. Для одних учителей, как, например, для А.Е. Новикова, заведование общежитием служило «спасением от одиночества»:

«Часто ребята — до десятка человек — приходили в школу ночевать. Бывало заберутся на полати и смотрят оттуда, как мы со сторожихой, бабой Барменовной, чаи гоняем. А потом и сами усаживаются за стол со своими постряпушками» [11]. А для других — дополнительной нагрузкой, и по этой причине многие учителя категорически отказывались их устраивать или ими заведовать. В ответ крестьяне могли забрать своих детей из школы. Таким образом, в школах с общежитиями учителя несли двойную нагрузку: кроме своих основных обязанностей, им приходилось заниматься еще и круглосуточной внеклассной работой [12].

Следует особо отметить, что создание общежитий первоначально было более всего характерно для министерских начальных школ, чем для церковных. Об этом официально говорится в отчете Тобольского епархиального училищного совета за 1891/92 уч. г.: «Не имеется при церковно-приходских школах и устроенных ночлежных приютов, по неимению к тому средств и удобных помещений. В большинстве же школ ночлежные помещения не составляют существенной необходимости, так как посещающие школы дети живут в тех самых школах и деревнях, где находятся школы» [13]. Эта же тенденция была характерна и для соседней Томской епархии. Из отчета Томского епархиального училищного совета за 1892/93 уч. г. следует, что «устраивать ночлежные приюты или общежития при одноклассных церковно-приходских школах нет необходимости, т.к. в них обучаются по большей части дети местных жителей, а если и есть между ними из окрестных сел и деревень, то живут они у родственников или близких знакомых, где содержание их обходится весьма дешево, обыкновенно родители доставляют им все нужное натурой» [14]. Однако с конца XIX столетия, общежития стали создаваться и при церковных школах. Об этом свидетельствует отчет уездного наблюдателя церковных школ Курганского уезда священника Коровина: «Ночлежные приюты имелись в следующих 11 школах: Иковской, где помещались 11 мальчиков и 7 девочек, Речкинской 3 мальчика и 3 девочки, Меньшиковской — 2 мальчика и 2 девочки, в Кривинской иногда ночевали 3 — 4 девочки, Петуховской до 20 учащихся, Головинской до 15, Барабинской и Каратчинской — до 8, Марковской — до 4, Щучинской — до 7 и Козловской — до 3. В Иковской школе имеется особая комната с широкими нарами в два яруса, в Речкинской дети жили в свободной комнате учительницы; в других школах отдельных комнат нет и там мальчики спали в классной, а девочки в кухне или комнате учительницы. Помещение предоставлялось им бесплатно; пищу в приготовленном виде доставлял родители на неделю, или они сами приносили из дому, но в Речкинской и Барабинской школах пища готовилась из общей провизии наемною прислугою — сторожихою. ... Число детей, оставшихся на ночлег в школах, увеличивалось в холодную и бурную погоду» [15]. Из отчета о церковных школах за 1909/10 гг. следует, что в Тобольской епархии было всего 11 общежитий: в Тобольском уезде — 3, Тюменском — 2, Туринском — 3, Ялуторовском — 1 и в Ишимском — 2 [16]. Из отчета курганского уездного наблюдателя церковных школ священника А. Коровина за 1912 — 1913 гг. видно, что «в холодное зимнее время и в осеннюю и весеннюю распутицу оставались на ночлег в школьных помещениях те из них, которые живут вдали от школы. Всего в 33 школах имели ночлег 352 учащихся, девочки спали в кухнях со сторожихами, а мальчики в классах. Пищей они запасались из дому, т.е. приносили с собой хлеб и вареный картофель; в 24 школах имелись

самовары для питья чаю; в 5 школах приготовлялись сторожихами приварки из доставляемых учащимися в складчину продуктов. Правильно организованного общежития нигде при школах не было» [17].

Следующим дополнительным видом деятельности можно считать приобщение учителей к распространению среди крестьян знаний по сельскому хозяйству, к оказанию «помощи сельскому хозяину со стороны интеллигентных классов». 28 мая 1898 г. МНП утвердило «Временные правила для устройства и ведения садов и огородов при начальных народных училищах» с целью содействовать «распространению среди местного населения сведений по садоводству, огородничеству и другим отраслям сельского хозяйства и улучшить экономическое положение учащихся». В Правилах подчеркивалось, что «устройство учебных садов и огородов при начальных училищах желательно, но не обязательно». В случае согласия, учителю полагалось материальное пособие и возможность пользоваться доходами сада. За устройство и успешное ведение школьного сада могла быть выдана награда от Министерства земледелия [18]. Мы не располагаем полными сведениями об учительской реакции на эту инициативу, однако, например, согласно приговору Пищальского общества Курганского уезда в мае 1915 г. «родители учеников не согласны отпустить учеников на работы в огород, который должен быть устроен при школе, вследствие малого количества рабочих рук» [19]. А из рапорта наблюдателя церковных школ Курганского уезда священника А. Коровина от 1917 г. следует, что «сельскохозяйственных занятий в церковных школах почти совсем не было. Но земельные участки отведены для 42 школ... 24 школьных участка сдаются в аренду по разным ценам за десятину... некоторым школам отведенная земля не приносит никакой пользы, за совершенной непригодностью. Обработкой школьных участков никто из учащихся не занимается» [20].

10 апреля 1905 г. Тобольский губернский училищный совет обратился к учителям и учительницам школ гражданского и духовного ведомств Тобольской губернии: «В виду того, что сельскохозяйственные знания учащимся могут передать лишь учитель или учительница, сами занимающиеся или интересующиеся сельским хозяйством», признать полезным: 1) командировать учителей на сельскохозяйственные курсы, 2) высылать им семена, удобрения, специальную литературу, 3) содействовать приобретению на льготных условиях пчел для устройства пасек [21]. В качестве примера ответной положительной реакции можно указать на прошение учительницы Суерского училища Вахрушевой от 5 мая 1905 г. на имя инспектора народных училищ 2-го района: «... имею честь просить ... назначить меня одной из слушательниц на курсы по огородничеству и сельскому хозяйству» [22].

С 15 по 28 мая 1905 г. сельскохозяйственные курсы состоялись при Тобольской сельскохозяйственной школе [23]. С 25 мая 1905 г. при Зырянской второклассной церковно-приходской школе Тюменского уезда — курсы по пчеловодству [24]. В 1906 г. — сельскохозяйственные курсы в Тобольске [25]. В мае — июне 1907 г. курсы по сельскому хозяйству были снова организованы в Тобольской сельскохозяйственной школе. Губернатор поручил заведовать курсами особой комиссии под председательством директора народных училищ Тобольской губернии Г.Я. Маляревского. В это же время в Кулаковском двухклассном училище Тюменского уезда открылись курсы пчеловодства. Их организатором выступил председатель

Тюменского общества пчеловодов, учитель Тюменского городского четырехклассного училища — К.Хавский. 23 курсиста посетили окрестные пасеки.

С 10 мая по 5 июня 1908 г. при сельскохозяйственной школе курсы были устроены снова. Председатель курсов Г.Я. Маляревский писал: «Приглашая на эти курсы учителей и учительниц, я выражаю уверенность, что получивши на них некоторую теоретическую и практическую подготовку они примут на себя нравственное обязательство ознакомиться с приобретенными знаниями учащимися и население путем устройства чтений, бесед, а также опытных полей, огородов, и т.п. [26]. Из 26 курсистов было 5 учителей церковно-приходских школ и 21 — из министерских училищ. В июне 1908 г. при сельском училище деревни Патрушевой Тюменского уезда проводились курсы пчеловодства [27]. С 24 мая по 21 июня 1909 г. в самой Тюмени проводились курсы садоводства и пчеловодства. С 5 мая по 5 июня 1910 — курсы по сельскому хозяйству, огородничеству и садоводству при Тобольской низшей сельскохозяйственной школе. Известно, что в соседней Томской епархии также были организованы курсы по пчеловодству и огородничеству в 1898 г. и 1902 г. [14, с. 208].

Каковы же практические результаты этих курсов? Директор народных училищ Г.Я. Маляревский писал: «Непосредственной практической пользы от курсов сельского хозяйства в такой же мере, как от курсов пчеловодства, конечно, нет оснований ожидать...». Но также известно, что в 1908 — 1910 гг. некоторые учителя стали проводить в своих училищах занятия по сельскому хозяйству, при училищах появились огороды и пасеки. Многие учителя были участниками подобных курсов по несколько раз. Среди них — учитель Падеринской школы Курганского уезда Алексей Евграфович Новиков. Он обучал детей пчеловодству и садоводству, отчего в дальнейшем многие крестьянские хозяйства имели пчел и начали закладывать сады [28]. Свои определенные результаты имелись также и в других местностях империи. В 1903 г. инспектор народных училищ Рязанской губернии писал, что с почина некоторых учителей крестьяне стали сеять огурцы, арбузы, помидоры, разводить плодовые деревья. Попечитель С-Петербургского учебного округа в отчете за 1906 г. констатировал: «... некоторые наши народные учителя обнаружили особенное усердие в распространении сельскохозяйственных знаний и своими опытами показали, что даже в суровых и скверных условиях возможны и огородничество, и садоводство, и пчеловодство, и заслуга наших народных школ заключается в том, что они служат как бы очагами распространения этих знаний среди местного населения» [29].

Особенно дополнительная нагрузка на учительство возросла в годы в годы Первой мировой войны. Во-первых, указом Св. Синода от 19 декабря 1915 г. учителя церковных школ были привлечены к делу переписи беженцев [30]. Во-вторых, согласно указу Св. Синода, в феврале 1916 г. учителя церковных школ обязывались содействовать распространению среди населения сведений о предстоящем государственном займе на 2 миллиарда рублей [31]. В-третьих, правительство рассматривало учительство как образованную часть общества, которую можно использовать в целях агитации и пропаганды по поднятию и поддержанию патриотических настроений в народе. Для этого МНП в циркуляре от 19 января 1916 г. предложило училищным советам организовать народные чтения, освещающие вопросы о славянских народах, о союзниках, о ходе войны. 18 марта 1916 г. на

заседании педсовета Тюменской женской гимназии был принят к исполнению циркуляр попечителя учебного округа о привлечении учителей средних и низших учебных заведений для информирования учащихся и их родителей о военном займе [12, с. 80].

Даже несмотря на трудность военного времени, Дирекция народных училищ губернии предпринимала попытки организации исследования края. Зимой 1916 г. Г.Я. Маляревский обратился к учителям с призывом заняться на местах собиранием этнографического материала, позволяющего осветить быт и нравы русского крестьянства. Остяки, вогулы, самоеды, по мнению директора народных училищ, были изучены в Тобольской губернии довольно хорошо, «а быт русского крестьянина-сторожила остался без всякого внимания...». Учителя могли заняться собиранием предметов быта, записывать песни, пословицы, сказки, поговорки, загадки, обычаи для передачи в Тобольский музей [12, с. 83 — 84]. Хотя уже и ранее учителя принимали участие в деле собирания сведений об историческом прошлом края. Так, например, осенью 1908 г. учитель Лебяжьевского двухклассного училища Вилесов предложил музею «зубы акулы и другие древности» [32].

Таким образом, на конкретных исторических фактах нами рассмотрены различные выходящие за рамки профессиональной компетенции дореволюционного учительства, виды деятельности. К таковым мы отнесли: заведывание ученическим общежитием при училище, распространение среди крестьян знаний по сельскому хозяйству, участие в различных переписях, информирование с помощью народных чтений населения о государственном займе, о событиях в стране и мире, поддержание патриотических настроений, и др. Однако не следует отождествлять это явление только с дореволюционной Россией. Подобная практика продолжилась и в дальнейшем. Так, например, на заседании Курганского укома РКП(б) от 3 января 1920 г. было принято решение закрыть все школы, а весь учительский персонал мобилизовать для работы по борьбе с тифом [33]. В большинстве случаев эти виды деятельности осуществлялись учителями безвозмездно и не предполагали получение согласия с самого учительства (за исключением распространения сельскохозяйственных знаний и сбора этнографического материала). Инициатива такого «привлечения» исходила «сверху». Это связано, с одной стороны, с тем, что учительство как социальная группа находилось под контролем властей всех уровней, с другой — с тем, что именно учительство гораздо удобнее и дешевле использовать как один из каналов связи между властью и обществом.

Библиографический список

1. ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. И — 235. Оп. 1. Д. 287. Л. 2.
2. Положение при попечительствах при начальных школах // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. — 1907. — № 5 — 6. — С. 166 — 167.
3. ГАКО. Ф. И — 201. Оп. 1. Д. 13. Л. 2 — об.
4. ГАКО. Ф. И — 87. Оп. 1. Д. 18. Л. 397.
5. ГАКО. Ф. И — 129. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.
6. ГАКО. Ф. И — 235. Оп. 1. Д. 293. Л. 6 — 8.
7. ГАКО. Ф. И — 91. Оп. 1. Д. 4. Л. 42, 67, 176, 186.
8. ГАКО. Ф. И — 173. Оп. 1. Д. 1. Л. 152.
9. ГАКО. Ф. Р — 2382. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.
10. ГАКО. Ф. И — 76. Оп. 1. Д. 48. Л. 48.
11. ГАКО. Ф. Р — 2382. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

12. Сулимов, В. С. Светское школьное образование Тобольской губернии конца XIX — начала XX вв. [Текст] : дис. ...канд. истор. наук : 07.00.02 / Вадим Сергеевич Сулимов. — Тобольск, 2006. — С. 58—61.
13. О состоянии церковных школ Тобольской епархии за 1891/92 уч. г. // Тобольские епархиальные ведомости. — 1893. — № 15—16. — С. 299.
14. Гизей, Ю. Ю. Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX — начала XX вв. [Текст] : дис. ...канд. истор. наук : 07.00.02 / Гизей Юлия Юрьевна. — Кемерово, 2004. — С. 159—160.
15. ГАКО. Ф. И—201. Оп. 1. Д. 27. Л. 24 — 24—об.
16. ГАКО. Ф. И—201. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.
17. ГАКО. Ф. И—201. Оп. 1. Д. 48. Л. 7 — 7—об.
18. ГАКО. Ф. И—117. Оп. 1. Д. 13. Л. 46 — 47—об.
19. ГАКО. Ф. И—201. Оп. 1. Д. 65. Л. 134—об.
20. ГАКО. Ф. И—201. Оп. 1. Д. 49. Л. 20 — 20—об.
21. ГАКО. Ф. И—33. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.
22. ГАКО. Ф. И—173. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.
23. ГАКО. Ф. И—201. Оп. 1. Д. 52. Л. 337.
24. ГАКО. Ф. И—33. Оп. 1. Д. 21. Л. 30—об.
25. ГАКО. Ф. И—201. Оп. 1. Д. 36. Л. 410.
26. ГАКО. Ф. И—31. Оп. 1. Д. 58. Л. 73.
27. ГАКО. Ф. И—34. Оп. 1. Д. 83. Л. 14.
28. ГАКО. Ф. Р—2382. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
29. Зубков, И. В. Учительская интеллигенция России в конце XIX — начале XX вв. [Текст] : дис. ...канд. истор. наук : 07.00.02 / Игорь Владимирович Зубков. — Москва, 2007. — С. 142.
30. ГАКО. Ф. И—33. Оп. 1. Д. 29. Л. 44.
31. ГАКО. Ф. И—76. Оп. 1. Д. 59. Л. 11.
32. ГАКО. Ф. И—173. Оп. 1. Д. 7. Л. 300—об.
33. ГУ ГАОПДКО. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 44. Л. 47.

НЕУПОКОЕВ Игорь Валентинович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин.
Адрес для переписки: e-mail: neupokoev_i_v@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.03.2010 г.

© И. В. Неупокоев

УДК 625.1.002 (57) (09)

С. Б. СУТУРИН

Филиал ФГОУ ВПО «Сибирский
федеральный университет»
в г. Усть-Илимске

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА С ОХРАНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ АНГАРО- ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА (1960—1990 гг.)

В статье рассматриваются вопросы экополитики советского государства в период активного индустриального освоения Восточной Сибири. Показываются специфика размещения и развития производительных сил, создания крупных промышленных узлов в рамках формирования Ангаро-Енисейских ТПК, влияние этих процессов на окружающую среду, социально-экономические последствия хозяйствования в северных районах региона. Дается анализ общественного сознания и социальной психологии кадров управления, проводится параллель между прошлым опытом и современным состоянием проблемы.

Ключевые слова: экополитика, экология, охрана окружающей среды, хозяйственный механизм, санитарно-защитные зоны, экологически вредное производство.

Исследуемый период охватывает время наиболее интенсивного развития производительных сил Ангаро-Енисейского региона: формирование крупнейшего в мире гидроэнергетического центра с вовлечением в орбиту активного хозяйственного освоения Иркутской области и Красноярского края. Строительство мощных ГЭС (Братской, Усть-Илимской, Саяно-Шушенской, Богучанской) и энергоёмких промышленных комплексов, создание лесохимической индустрии и предприятий цветной металлургии, новой структуры машиностроения и всемерное развитие сырьевой базы. Это далеко не полный перечень основных направлений директив, исходивших от ЦК

правлящей партии и советского правительства [1]. Реализация крупномасштабных проектов требовала обеспечения увязки вопросов развития производительных сил с охраной окружающей среды. На протяжении трех десятилетий этот вопрос неоднократно поднимался на разных уровнях партийно-советского руководства. В 60-е годы, например, только в Иркутской области функционировали 38 постоянных депутатских комиссий при городских и районных исполкомах Советов [2, с. 436]. Их деятельность была направлена на разработку природоохранных мер и осуществление контроля по соблюдению санитарных норм на предприятиях, строительству очистных

сооружений и другое. В то же время все решения, начиная с верхних эшелонов партийно-государственной структуры и заканчивая местными органами власти и управления, носили в основном формальный и общенный характер. Более того, при выборе стратегии и тактики формирования новых индустриальных центров экологический критерий оказывался на одном из последних мест, а то и вообще не брался во внимание. Важнейшие принимаемые народнохозяйственные решения не всегда носили научно обоснованный характер, что сказалось на неблагоприятных последствиях человеческого вмешательства в природную среду. Сюда можно отнести: значительное сокращение земельных, лесных, минеральных и водных ресурсов; неудовлетворительное санитарное и гидробиологическое состояние искусственно созданных водохранилищ; резко отрицательный режим воздушного бассейна; заметное сокращение объема наличной питьевой воды; и т. д. Не до конца продуманное сооружение каскада мощных гидроузлов на Ангаре привело к серьезным нарушениям природного комплекса. Грубейшие ошибки в планировании и финансировании, практические недоработки при создании Братского и Усть-Илимского водохранилищ повлекли за собой затопление миллионов кубометров древесины, ухудшение гидрохимического состава воды, нарушение экологического режима водохранилищ, ограничение их рекреационных возможностей. Аналогичная ситуация имела место в ходе строительства и Саяно-Шушенской ГЭС.

При проектировании отраслевой и территориальной структуры будущих промышленных узлов местные условия тщательно не изучались, не давалось и соответствующей оценки последствиям принимаемых решений. Так, в ходе создания Братского промузла в городской черте разместились гигантский комплекс лесохимической промышленности и алюминиевый завод, которые ежегодно выбрасывали в атмосферу более 170 тыс. тонн загрязняющих веществ [3]. В 1990 г. в Братске насчитывалось более 600 источников вредных выбросов [4, с. 172]. И, несмотря на то, что основные загрязнители воздушной среды и водоемов (БЛПК и БраАЗ) постоянно осуществляли мероприятия по очистке выбросов в атмосферу, существенного оздоровления воздушной среды так и не произошло. Как и раньше, ежедневный сброс промышленных стоков в Вихоревку, а через нее в Ангару исчисляется тоннами. На долю ТПО «Братский ЛПК» в 80-е годы приходилось более 85 % от всех загрязненных стоков; только в 1988 г. за нарушение водного Кодекса РСФСР инспектирующими органами к данному предприятию было предъявлено 24 иска на 3,2 млн рублей [5]. В Красноярск же, крупнейшем индустриальном центре Восточной Сибири, концентрация вредных веществ в воздухе в зоне действия предприятий превышала санитарные нормы от 6 до 50 раз. Резкое возрастание объемов промышленного водопотребления негативно отразилось сразу на двух жизненно важных аспектах развития региона: с одной стороны, увеличение сброса неочищенных вод в речные и иные водоемы; с другой — сокращение количества необходимой питьевой воды. В 1981 г. более 46 % имеющейся воды в Красноярском крае шло на производственные нужды, в то время как ее не хватало даже для нужд населения [6, с. 112, 114].

Высокая плотность промышленности в малых городах нового хозяйственного освоения и огромные размеры самих предприятий с экологически вредным производством нуждались в создании вокруг них санитарно-защитных зон (СЗЗ). Однако такие индуст-

риальные гиганты, как БЛПК и БраАЗ, вплоть до 1975 г. не имели даже проектов такой зоны. По данным НИИ гигиены труда и профзаболеваний зона выбросов Братского ЛПК по химическим показателям распространялась на 25 — 40 км, по биологическим — до 3 км, включая районы жилых массивов и отдыха [7, с. 200]. В то же время, из выделенных на создание в 10-й пятилетке СЗЗ Братского ЛПК почти 2-х млн рублей остались неосвоенными более 61 % этой суммы [6, с. 120]. Во второй половине 80-х гг. Госкомгидромет ужесточил требования к размерам СЗЗ с учетом многих параметров рассеивания вредных веществ. В связи с этим было принято решение о расширении такой зоны для БраАЗа, но его осуществление растянулось на много лет работы по переселению жителей поселка Чекановский. При разработке генерального плана строительства г. Усть-Илимска Ленинградский НИИ градостроительства на рубеже 60 — 70-х гг. тоже сознательно уменьшил санитарно-защитную зону с предполагаемых сначала восьми километров до шести с целью так называемой «экономии средств» на сооружение коммуникаций [7, с. 200 — 201].

Еще более сложная экологическая ситуация сложилась в районе КАТЭКа: здесь, на сравнительно небольшой территории, оказались сконцентрированы огромные природные ресурсы и уже частично экономически освоенная, а потому густонаселенная зона. В период расцвета советской «гигантомании» Минэнерго СССР в погоне за уникальной мощностью своих ГРЭС заказало для них самые мощные котлы П-67, которые даже теоретически не могли работать в экологически чистом режиме. Ввод мощностей Назаровской и Березовской ГРЭС создал напряженную экологическую обстановку в санитарно-защитной и жилой зонах ряда городов (Назарово, Бородино, Шарыпово). Это проявлялось в выпадении «кислотных дождей», наносивших непоправимый урон сельскому хозяйству. Серьезную проблему здесь создавали также отработанные земли на разрезах и карьерах: в районах КАТЭКа было нарушено 8 тыс. га земельных угодий; на многих участках выработанное пространство достигало 80 метров. Ветровая и водная эрозия ежегодно увеличивали эту площадь, уничтожали черноземный слой, а Минуглепром СССР даже не приступал к рекультивации нарушенных земель [6, с. 113].

Стремительное развитие индустриального потенциала региона, рост новых городов и поселков шли вразрез с созданием необходимой социальной инфраструктуры, с решением социально-бытовых проблем, что также отрицательно сказывалось на экологической обстановке. В результате создания Братского водохранилища старые водоанализационные коммуникации Черемхово и Свирска подверглись затоплению, а начавшееся еще в 1961 г. строительство новой сети затянулось намного дольше, чем планировалось, и в 1966 г. они оказались перегруженными на 40 — 49 %. Иркутские же городские очистные сооружения в середине 60-х годов были перегружены на 144,4 %; это приводило к регулярным аварийным сбросам стоков, поступавших в Ангару без очистки. Причины проблемы крылись не только в слабом финансировании данных объектов, но и в нецелевом использовании выделяемых средств. В Иркутске, например, в 1960 — 1980-е годы в среднем на строительстве и модернизации очистных сооружений осваивалось лишь от 45 до 61 % капиталовложений [8, с. 178], увеличивая с каждым годом загрязнение водоемов. В целом же, средства, выделяемые министерствами и ведомствами на природо-

охранные мероприятия в районах формирования промышленных узлов, выделялись довольно-таки солидные. Так, в Красноярском крае на эти цели за годы 9-й пятилетки было израсходовано 114,5 млн руб., а в 10-й пятилетке — 220,1 млн руб. Однако, из 108 природоохранных мероприятий, намеченных к реализации в 9-й пятилетке, были выполнены лишь на 46, а в 10-й — соответственно 178 и 82 [6, с. 119]. Таким образом, направляемые на природоохранные мероприятия капиталовложения радикально изменить экологическую обстановку не могли.

Ангаро-Енисейскому региону всегда принадлежали ведущие позиции в развитии лесного хозяйства, в размещении здесь основных в стране лесодобывающих и перерабатывающих предприятий (включая лесохимическую индустрию). В Приангарье, например, произрастают наиболее ценные и пользующиеся спросом на мировом рынке хвойные породы деревьев; она же обладает и самой высокой лесистостью (78 %) среди других субъектов не только в Восточной Сибири, но и по РФ [9, с. 111]. Такая концентрация лесных ресурсов выделяла ЛПК, как по объемам производства, так и по масштабам воздействия на природную среду, тем более что в процессе индустриализации лесные богатства рассматривались в основном с технократической точки зрения. Это приводило, с одной стороны, к резкому их сокращению (вплоть до варварской вырубке лесов), а с другой — к нарушению экологического равновесия. Анализ состояния рек Приангарья за 20 лет интенсивного освоения лесов (1957 — 1976 гг.) показал уменьшение их водоносности; более 40 водоемов потеряли рыбохозяйственное значение; уловы рыбы в период 1968 — 1976 гг. сократились в 3 раза, а хариуса — почти в 70 раз [10, с. 432].

Отсутствие обязательной предварительной экспертизы оценки возможных негативных последствий реализации крупных народнохозяйственных и научно-технических программ и определения экономического ущерба от воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду позволяло министерствам и ведомствам безнаказанно вести расточительное природопользование. На территории Верхне-Ленского ТПК (зона БАМа), например, в 80-е гг. лесозаготовки вели свыше 20 министерств и ведомств, за которыми была закреплена четверть эксплуатационного фонда древесины [11], не говоря уже о «самозаготовителях» или «воруйлесе». Огромные потери леса связаны и с ускоренным строительством гидроэлектростанций. Только в Иркутской области в результате затопления из хозяйственного оборота выбыло около 5 тыс. кв. км лесов с ценнейшей ангарской сосной [10, с. 432]. Просчеты в планировании и управлении комплексным освоением территории Братско-Усть-Илимского ТПК не позволили решить еще одну «большую» проблему: обеспечение быстро растущего городского населения новых индустриальных центров продуктами питания в необходимом количестве и качестве (мясе, молоке, овощах и пр.). Потеря плодородных окультуренных земель оказалась ничем невозполнимой утратой. В пределах Братского района, например, затопленными оказались 20 тыс. га пашни, или 56 % ее площади, имевшейся в 1959 г.; а в результате создания Усть-Илимского водохранилища потеряно более 80 % знаменитой Илимской пашни, считавшейся «колыбелью» земледелия Приангарья [12].

Двадцатилетний период формирования экологического права завершился принятием в январе 1988 г. важнейшего постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» [13],

заложившего основы проведения единой природоохранной политики в районах хозяйственного освоения. Вводилась вневедомственная экспертиза генеральных схем формирования промышленных узлов. Первые позитивные результаты не заставили себя ждать: после экспертизы проекта и нормативно-технической документации было принято решение о нецелесообразности строительства 2-й очереди производства растворимой целлюлозы на Усть-Илимском ЛПК по соображениям экологической безопасности. Кардинально изменился и подход к решению экологических проблем: вместо «ликвидации загрязнения» приоритетным становится «предотвращение ущерба». Началась разработка долговременных экологических программ на разных уровнях. В рамках генеральной схемы развития и размещения производительных сил Иркутской области на период до 2005 года разрабатывалась целевая комплексная программа «Природа» (1988 г.), предусматривавшая организацию хозяйственного развития Приангарья в соответствии с достигнутым и планируемым уровнем развития производства, спецификой экологической ситуации конкретных районов. В этом плане заслуживает внимания проект «Концепция социально-экономического развития г. Байкальска». Ее авторы исходили из необходимости сохранения уникальной экосистемы оз. Байкал и выбора варианта репрофилирования ЦБК с учетом данного критерия. Особо выделялась идея превращения города в центр туризма и отдыха, создания «экополиса» на берегу всемирно известного озера, который мог бы стать ключевым звеном формирования и распространения нового экологического мышления [2, с. 437 — 438]. Однако потребовались еще два десятка лет и мировой экономический кризис, чтобы подойти к реальной возможности реализации репрофилирования Байкальского ЦБК.

Несмотря на усиливающееся внимание к социально-экологическим аспектам в проектных документах, попытки сопряжения состояния и взаимодействия окружающей среды и условий жизни населения, в них явно прослеживался укоренившийся в сознании стереотип, базировавшийся на приоритете экономических интересов. Немалую роль в этом играл низкий уровень экологической культуры у ряда хозяйственных руководителей, строителей и эксплуатационников, убеждение в своей «непогрешимости» и «бездонности» природных ресурсов Сибири. Да и сама сфера экологического законодательства была далека от совершенства. Иначе, как можно объяснить тот факт, что в 1989 г. в перечень городов с максимальным уровнем загрязнения попали не только «старые» индустриальные центры, но и «молодые» города, такие как Братск. Первое же место занял Норильск, где выбросы вредных веществ Норильского ГМК и других источников загрязнения составили в 1985 г. более 2,5 млн тонн [8, с. 183].

Определенный вклад в перестройку технократического мышления на экологическое внесли общественное движение в защиту окружающей среды и экологическое воспитание будущих специалистов. Еще в начале 70-х гг. по предложению ректора Иркутского госуниверситета Н. Ф. Лосева в вузах города стал вводиться в учебный процесс спецкурс «Охрана природы и рациональное использование ее ресурсов» [8, с. 185 — 186]. В Красноярске с такой же инициативой выступил краевой совет ВООП (Всесоюзного общества охраны природы) [14]. Полученные студентами знания дополнялись практической деятельностью: изучением флоры и фауны; исследованием состояния

атмосферы в промышленных зонах; экологическим просвещением населения; созданием добровольных дружин по охране природы; открытием Байкальского энтомологического заказника, и т. д. При Иркутском горкоме ВЛКСМ даже создан совет по охране природы во главе с профессором ИГУ Л. В. Поповым. На Всесоюзном конкурсе «За лучшую организацию научно-исследовательской работы» (1973 г.) высокую оценку получили исследования иркутских студентов и их рекомендации по рациональному использованию природных ресурсов зоны БАМа, по изучению последствий антропогенного воздействия на природу Байкала. Все это свидетельствовало о появлении поколения молодых специалистов с новым мировоззрением, обладающих более высокой экологической культурой, нежели их предшественники.

Обобщение исторического опыта в соотношении рационального природопользования и охраны окружающей среды с реальным функционированием хозяйственного механизма в Ангаро-Енисейском регионе, осмысление последствий промышленного освоения и развития этой территории позволяют сделать некоторые выводы. Задача перехода к устойчивому развитию страны и отдельных ее регионов с учетом социально-экологических критериев была поставлена, но в то же время приоритетной она не стала. Вступление в XXI век не ознаменовалось полным преодолением в экополитике старых стереотипов мышления и поведения как властей предрешающих, так и хозяйственников-практиков. Более того, по отдельным позициям сегодня мы наблюдаем даже отход от тех позитивных достижений, полученных в период социально-политических и экономических трансформаций конца 80-х — середины 90-х гг. Одни только дебаты вокруг завершения строительства Богучанской ГЭС породили массу проблем и экологического, и социального характера. Переход к рыночной экономике, расширение хозяйственной самостоятельности как государственных, так и частных предприятий с их стремлением получать высокую прибыль или «поправить» свое финансовое положение, сопровождаются подчас попытками избежать лишних затрат на очистные сооружения; сокрытием или искажением фактов загрязнения окружающей среды; и т. д. Погоня за «золотым тельцом» затмевает все, порождает эгоизм и пренебрежение к общечеловеческим интересам и ценностям, угрожает не только природе, но и условиям жизни и здоровью людей.

Библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7 — 14. — М.: Политиздат, 1972 — 1987.
2. Савчук, Н. В. Социальные аспекты экологической политики во второй половине XX в. / Н. В. Савчук // Иркутский историко-

экономический ежегодник. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. — С. 435 — 438.

3. Красное Знамя. — 1988. — 5 апреля.
4. Букин, С. С. Экология и общественное сознание жителей современного города / С. С. Букин, А. А. Долголюк, Г. А. Цыкунов // Социальная сфера Сибири: тенденции и проблемы развития: сб. науч. тр.; Институт истории СО АН РАН; Под ред. С. С. Букина. — Новосибирск, 1992. — С. 170 — 188.
5. Гришин, А. Обзор состояния природной среды г. Братска за 1988 г. / А. Гришин // Красное Знамя. — 1989. — 16 марта.
6. Цыкунов, Г. А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект) / Г. А. Цыкунов; Иркутский гос. ун-т. — Иркутск: ИГУ, 1991. — 176 с. — ISBN 5-74-0328-9.
7. Кудряшова, А. Р. Социально-экономические последствия хозяйственного освоения севера Иркутской области / А. Р. Кудряшова // Среднее Приангарье в прошлом и настоящем: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Иркутской области и 35-летию г. Усть-Илимска. Усть-Илимск. 18 — 19 февраля 2008 г. — Иркутск: Отгиск, 2008. — С. 194 — 202.
8. Сутурин, С. Б. Исторический опыт и проблемы управления промышленностью в Восточной Сибири (1965 — 1990 гг.) / С. Б. Сутурин. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т; Усть-Илимский филиал, 2009. — 292 с. — ISBN 978-5-7638-1337-1.
9. Винокуров, М. А. Экономика Иркутской области: В 2 т. Т. 1 / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов; Иркутская гос. экон. академия. — Иркутск: Изд-во ИГЭА; Изд-во ОАО НПО «Облашинформ», 1998. — 276 с. — ISBN 5-7253-0227-X.
10. Пашков, К. И. Некоторые особенности лесопользования и их влияние на окружающую среду в Байкальском регионе в 1950 — 1970 гг. / К. И. Пашков // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. — С. 431 — 435.
11. Вольдейт, Г. Уроки Братска, которые необходимо извлечь, чтобы избежать ошибок при освоении новых районов Сибири и Дальнего Востока / Г. Вольдейт, В. Гуков, И. Широбоков // Социалистическая индустрия. — 1986. — 10 сентября.
12. Цыкунов, Г. Как живешь, ТПК? / Г. Цыкунов // Восточно-Сибирская правда. — 1987. — 3 июня.
13. Правда. — 1988. — 17 января.
14. Красноярский рабочий. — 1972. — 13 января.

СУТУРИН Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социогуманитарных дисциплин.

Адрес для переписки: e-mail: uifsfu@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.04.2010 г.

© С. Б. Сутурин

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905 — 1907 гг.).

Работа посвящена выявлению особенностей поведения учителей Западной Сибири в годы первой русской революции по сравнению с Центральной Россией, их политической и общественной позиции. Характеристика поведения учителей дана на примере трех крупных городов Западной Сибири: Омска, Томска и Тобольска.

Ключевые слова: Западная Сибирь, история, учитель, общественная организация, профессиональное объединение, политическая активность.

Проблема участия учителей в общественной и политической жизни России рубежа столетий не раз становилась темой исследования как советских, так и современных специалистов. Считалось, что учителя как носители просвещения в малообразованном обществе начала XX в. могли дать представление о взглядах и настроениях интеллигенции на текущий момент. В то же время именно учителя имели доступ к широкой аудитории и как никто другой имели возможность влиять на политическую позицию населения [1]. Однако такие представления прошли своеобразную трансформацию за 1990 — 2000-е гг., когда исследователи стали уделять все больше внимания общественно-просветительским задачам педагогов в ущерб изучению их политической деятельности. Политическая составляющая социальной активности учителей дореволюционной России ушла на второй план. Обращение к источникам показывало пассивный характер политической позиции педагогов, и сибирское учительство в этом смысле не рассматривалось как исключение [2]. Ввиду этого цель нашего исследования заключается в выявлении специфических черт западносибирского учительства, отличавших его от педагогов Центральной России, на примере участия преподавателей крупных городов в событиях первой русской революции. Для этого нам необходимо уточнить общественную и политическую позицию педагогов великорусских губерний и выявить отличие от этой позиции сибирских учителей в целом и в каждом из трех крупных центров Западной Сибири.

Сами свидетели и участники событий 1905 — 1907 гг. оценивали свою деятельность в различных учительских союзах как проявление политической позиции. Н. В. Чехов, активный участник организовывавшихся в Центральной России Всероссийских съездов народных учителей и деятелей по народному образованию 1905 — 1907 гг., а также учительских обществ взаимопомощи в 1902 — 1903 гг., рассматривая ситуацию в развитии, указывал на постепенное нарастание социальной активности в среде учителей, вызванной тесными рамками ранее существовавших уставов учительских обществ [3, с. 43]. Стремление выйти за эти рамки, получить большую свободу в преподава-

нии ставило учителей нередко вне закона: их объединения временно закрывались или вовсе запрещались властями как не соответствовавшие нормам благонадежности и характеру деятельности, прописанным в уставах. Особо преследовалась полицией «Лига образования», имевшая свои отделения в губерниях империи и проявлявшая наибольшую общественную активность. Участие педагогов Центральной России в общественной работе имело поступательный характер. К 1890-м гг. уже сложилось представление о необходимости создания профессиональных объединений, прежде всего в среде народных учителей. Съезды проходили в отдельных городах Центральной России, вплоть до 1902 — 1903 гг., когда был созван Всероссийский съезд учительских обществ. Он положил начало регулярным собраниям народных учителей и деятелей по народному образованию. После 1907 г. целый ряд организаций был закрыт. Н. В. Чехов указывал на изменение тактики педагогов, вызванное разочарованием в своих идеалах. Начался возврат от профессионально-политической к сугубо профессиональной деятельности, собраниям учителей в рамках педагогических курсов и иных форм повышения квалификации учащихся [4, с. 125].

Несколько иным путем шло развитие общественной жизни преподавателей сибирских учебных заведений. Отсутствие широкого слоя образованных людей в крае обусловило важную роль чиновников в организации первых общественных организаций. Военные и гражданское чиновничество составили руководство большинства объединений, контролируя их деятельность, направляя ее в нужном государству русле и позволяя в этой сфере проявиться социальной активности граждан [5, л. 53]. Степень участия военных и чиновников в общественной жизни зависела от социокультурных особенностей города. Так, Г. Н. Потанин, приводя формулу известного исследователя С. В. Максимова, разделял города на буржуазные и бюрократические по специфике деятельности основного населения [6, с. 235]. Омск и Тобольск выделялись им как города бюрократического типа, в которых большинство образованного населения представлено присланными в край гражданскими

и военными чинами. В этом случае именно чиновничество оказывало решающее влияние на поведение общественных организаций. В. В. Мезенцева сообщает о 9% интеллигенции от общего числа населения в Тобольске и 12% в Омске, в то время как Томск насчитывал уже 19% [7]. Томск, население которого на 60% состояло из купечества и мещанства, оказался менее зависимым от властей в своей общественной жизни [8, с. XVI]. Организаторами различных просветительских и благотворительных организаций там выступили представители местного самоуправления П. И. Макушин, А. И. Макушин и В. В. Смитрович, собравшие вокруг себя представителей местного общества, заинтересованных в развитии города. Несмотря на это, жесткий контроль за проявлениями общественной деятельности на местах привел к тому, что вплоть до начала XX в. сибирское учительство не воспринимало себя единой корпорацией и четко разделялось по стратам в зависимости от своего нахождения в иерархии дореволюционного школьного образования, ведшего за собой круг общения и интересов, определявшего основные ценности их носителей. Редкое участие в рамках одних организаций учителей средней и низшей школы было постоянной проблемой организаторов учительских сообществ рубежа веков. Проблемы и нужды народных учителей не трогали школьную элиту — учителей средней школы, в большинстве своем представляемую выходцами из Центральной России и сделавшими в Сибири карьеру. Льготные условия службы в Сибири, позволявшие быстро сделать блестящую карьеру, стать чиновником (инспектором или директором школы), получить высокое жалование и сократить срок выслуги лет для получения пенсии, влекли в этот регион особую категорию лиц, в круг интересов которых редко входило внимание к заботам края и широких слоев чуждого им населения. Участие в общественных организациях и выступление в защиту народных учителей могло подорвать степень доверия к ним властей и привести к краху служебного роста. Безусловно, далеко не все учителя средней школы были противниками общественной деятельности, но последних оказывалось не много и они не оказывали решающего воздействия на ситуацию, остававшуюся неизменной вплоть до 1910-х гг. Между тем учителя низшей школы к середине 1900-х гг. все чаще стали набираться из местных учебных заведений, и прежде всего из омской учительской семинарии [9]. Они стали основными участниками учительских обществ Томска, Омска, Барнаула и т.д.

Попытки объединения по профессиональному признаку были сделаны томским преподавателями мужской гимназии еще в 1892 г. Однако педагогическое общество не было разрешено властями как несвоевременное. В итоге, вновь вернуться к этому вопросу удалось только в 1900 г., когда по инициативе губернатора вопрос был еще раз подан на рассмотрение МНП и на этот раз был рассмотрен положительно. Открытие состоялось только в 1904 г. [10]. Отчасти искусственные, отчасти естественное торжество общественных процессов в Сибири привело к тому, что профессиональные объединения стали складываться в крае в ходе революционных событий 1905—1907 гг., не получив поддержки у населения, будучи в значительной степени отрезаны от него, учителя обратились к формированию и отстаиванию корпоративных интересов. Аполитичность, свойственная сибирякам, выразилось в том, что все сибирские отделения Всероссийского союза учителей высказались за профессиональный, а не политический

характер их работы и согласились принять устав только в случае исключения из него первого пункта о партийной принадлежности участников [11, с. 17]. Помимо объединения всех учителей в рамках Томской областной организации для защиты профессиональных интересов, первоначально в 1905 г., была выдвинута задача защиты интересов педагогов в борьбе со школьной администрацией, объявление бойкота учителями в случае увольнения их коллег из учебного заведения, оказание материальной и моральной помощи пострадавшим в ходе революции учителям, сосланным за политическую деятельность в Нарымский край, агитация среди местного населения и т.д. Большая часть этих идей осталась на бумаге, ряд из них не соответствовал политической и общественной ситуации в Сибири при почти полной аполитичности населения, подозрительности крестьян к учителям, отсутствию у самих учителей, особенно у сельских педагогов, четкого представления об их задачах. Решающими в повороте учительства в сторону профессиональной деятельности стали события октября 1905 г. и последовавшие за ними преследования любой социальной активности. Современники, разбиравшие поведение учителей и стадии их активности по мере разворачивания политических событий, указывали два периода: 1905 — начало 1906 г. и 1906 — 1907 г. в первый период шло формирование учительских объединений, рост контактов с центральным союзом, создание уставов по общероссийской формулировке, набор членов. После событий октября 1905 г. в Томске, Омске, Барнауле произошел спад интереса к общественной деятельности, выход большей части учителей из объединений, отказ от новаторских форм преподавания, выдвижения оппозиционных идей и т.д. [11, с. 16—17]. Ряд организаций перестал функционировать, остальные влачили жалкое существование. Оживление в них произошло уже после революции 1905—1907 гг. и в ряде случаев это было связано с политикой губернской администрации по отношению к общественной деятельности интеллигенции. Степень влияния администрации на общественную жизнь сибирских городов, значительно сказывавшаяся в 1880—1890-е гг., проявилась в форме военного террора и полицейского надзора в годы первой русской революции.

Помимо упомянутых общих тенденций в деятельности западносибирского учительства во время первой русской революции, можно выделить специфику поведения учителей в каждом из губернских городов. Томский губернатор К. С. Нолькен, назначенный на свой пост осенью 1905 г., в короткий срок уничтожил ростки общественной жизни и рост гражданского самосознания, используя по большей части внутренние противоречия городского общества. Погромы в Томске и Барнауле 20 и 23 октября 1905 г. прошли скорее под контролем казачьих частей, чем при решающем их участии, как это было в Омске. Используя черносотенские настроения широких масс Томска, а затем и Барнаула, губернатор руками разъяренной толпы расправился с сильной и, вероятно, раздражавшей его степенью своего общественного влияния и широтой действий, общественностью в лице местной интеллигенции. П. И. Макушин, А. И. Макушин, В. К. Штильке были не только значительными общественными фигурами, но и представителями либерального крыла в городском самоуправлении, владельцами магазинов, народных читален. Покушения на них и связанных с ними людей, занятых в просветительской деятельности (устройстве научных лекций, народных чтений, воскресных

школ), имели целью сведение политических счетов, уничтожение опасной для режима «крамолы», олицетворяемой гимназистами и студентами, а не борьбу с идеей просвещения как таковой, мало интересовавшей погромщиков. Вероятно, неслучайно была выбрана мишень для удара — Томск — самый крупный в Западной Сибири на тот момент общественный центр.

События расправы в Томске заставили немедленно свернуть свою деятельность едва возникших учительских организаций в Барнауле [12, с. 23], паника охватила образованное население Омска. В последующее время организации работали скорее номинально, учредители отмечали в значительной степени формальное отношение рядовых членов из числа городских учителей низшей и средней школы к делу профессионального и политического объединения, поддержки народных учителей в деревнях [12, с. 23]. Оживление общественной деятельности в Томской губернии связано с именем Н. Л. Гондатти, возглавлявшим губернию в 1908 — 1910 гг., его высоко ценили и отличали как либерально мыслящего человека, сторонника идей просвещения.

Тобольск, оказавшись еще к 1880-м гг. вытесненным из числа ведущих городов Западной Сибири, не испытал общественного подъема, пережитого Омском и Томском. Социальная активность региона в 1880 — 1900 г. несоотносима с нарастающей деятельностью интеллигенции Томской губернии и Акмолинской области. Учителя Тобольска не участвовали в крупных объединениях, охвативших в революционные годы всю страну. Общество вспомоществования учащим и учившим не шло дальше оказания благотворительной помощи его членам. Число членов общества росло, составив 350 человек в 1897 г. [13] и 581 в 1907 г. [14]. Однако, в отличие от других сибирских центров, Тобольск не был сосредоточием интеллигенции губернии. В городе находилось только 11,1% от всего количества людей, занятых в сфере интеллектуального труда (для сравнения: в Томске насчитывалось 28,7% от этой категории населения, а в Омске 58,1%) [7, с. 53]. Раскиданные по огромной территории Тобольской губернии, оказавшиеся в различных условиях службы народные учителя школ ведомства МНП и церковных школ, низших училищ уездных городов и гимназий Тобольска не могли проводить совместных собраний, согласовать свою деятельность. Ощущался «индифферентизм» членов общества к своему делу, собрания проходили нерегулярно и были нелегитимны из-за нехватки кворума [15]. События октября 1905 г. прошли спокойно для тобольских, не вызвав народных выступлений и репрессий со стороны администрации.

Омск не входил в состав сибирских групп, подконтрольных Томской областной организации союза учителей и деятелей по народному образованию. Военно-бюрократический характер города обусловил отсутствие поддержки оппозиционных идей у населения. Влияние этих же кадров в составе большинства общественных организаций на проводимый тем или иным объединением курс оставлял мало шансов на появление оппозиционных политических проявлений деятельности (в частности, правлением Общества вспомоществования учащим и учившим Акмолинской области без согласования с общим отделом было отказано уполномоченному неблагонадежной с точки зрения властей «Лиги образования» в объединении деятельности двух вышеозначенных обществ) [16, л. 70]. Помимо этого, необходимо учитывать специфику расположения города в наиболее

благоприятной в Западной Сибири местности. Сравнительно мягкий климат, положение города в качестве центра генерал-губернаторства, очага культурной жизни заставляло задумываться относительно своих поступков не только приезжих добровольно или сосланных, но и местных, боявшихся потерять хорошее место службы и оказаться далеко от родных в тяжелых природных и социальных условиях [17, л. 89 — 89 об.]. В крае по распоряжению генерал-губернатора Н. Н. Сухотина велся постоянный надзор полиции и жандармерии за политически неблагонадежными. События октября 1905 г. в Омске связаны с разгоном митинговавшей толпы казаками (в данном случае мы можем говорить о специфике города: отсутствие мощного черносотенного элемента, ставшего опорой К. С. Нолькена, было восполнено подчиненными Н. Н. Сухотину казачьими частями). По данным полиции, Омск и Акмолинская область в основном испытывали на себе влияние социал-демократов, получивших поддержку у железнодорожных рабочих и приказчиков. В учительской среде у администрации вызвало подозрения Общество попечения о начальном образовании, которое временно закрыли как несоответствовавшее в своей деятельности положениям устава в 1908 г. В целом поведение учителей (особенно городских, не связанных с железнодорожными рабочими округов) оценивали как благонадежное. На педагогов городских низших и средних учебных заведений возлагалась задача воспитания молодого поколения в духе преданности государю и империи. В сферу их обязанностей, как чиновников, входило донесение вышестоящему начальству о поведении своем, своих коллег и учащихся в дни революционных волнений в Омске в октябре 1905 г. [18]. В подобных условиях, учитывая специфику отношений в коллективе, построенную на подсиживании, предательствах и клеветах друг на друга учителей для получения следующей должности и чина — сущего бедствия средней и низшей школ — можно понять причины столь слабого участия учителей в общественной и тем более политической жизни сибирских городов периода первой русской революции.

Особое поведение сибирских учителей, оказавшихся более аполитичными, более благонадежными, чем их европейские коллеги, становилось не раз предметом обсуждений и споров на учительских съездах в начале XX в. Педагогов упрекали в меркантильности, карьеризме, не свойственных учителям центральных губерний. Сибирские участники общероссийских съездов этих претензий не принимали, говоря, что «можно быть прекрасным человеком и гражданином под мундирною оболочкою, можно иметь отзывчивое, горячо бьющееся сердце и человеку-чиновнику, как, с другой стороны, — никакая косоворотка и смазанные сапоги не спасают от презрительного отношения к трудящемуся простому народу» [19]. Вероятно, следует говорить о своеобразном запаздывании в общественной жизни Сибири в сравнении с Европейской Россией примерно на двадцать лет. Местная интеллигенция, неразрывно связанная с развитием общественной жизни Сибири, имела свою специфику, связанную с историей складывания, отношениями с администрацией и формами социальной активности. Подобно тому, как первые общественные организации Западной Сибири появились в 1880-е гг., на двадцать лет позднее, чем в центральных губерниях, так и профессиональное самознание сибирских учителей сформировалось лишь в годы первой русской революции, когда объединения

людей в силу не сложившихся еще политических и партийных интересов группировались по профессиональной принадлежности. Тяжелые условия службы в Сибири, отсутствие постоянных связей с Центральной Россией и восприятие в силу этого в качестве мерила ценностей схему, заложенную в местной чиновной среде, к которой учителя формально относились по службе, привело к росту значимости для сибирских педагогов стабильного места службы и карьерного роста, гарантировавшего рост жалования, общественный статус и престиж, чины и награды. При этом, безусловно, в каждом городе поведение учителей выстраивалось в рамках сложившихся общественных отношений и имело свою специфику.

Библиографический список

1. Ерман, Л. К. Интеллигенция в первой русской революции / Л. К. Ерман. — М.: Наука, 1966. — 374 с.
2. Попов, Д. И. Общества взаимного существования учащим и учившим в России в начале XX в.: правовое положение и особенности функционирования / Д. И. Попов // История народного образования Западной Сибири: сб. науч. ст. и материалов 5-й областной науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Омск: б.и., 2005. — С. 175—180.
3. Чехов, Н. В. К предстоящему съезду представителей учительских обществ взаимопомощи / Н. В. Чехов // Русская школа. — 1908. — № 9. — С. 42—48.
4. Чехов, Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века / Н. В. Чехов. — М.: б.и., 1912. — 224 с.
5. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 23. — 143 л.
6. Потанин, Г. Н. Города Сибири / Г. Н. Потанин // Сибирь: ее современное состояние и нужды: сб. статей; под ред. Мельникова. — СПб., 1908. — С. 234—259.
7. Мезенцева, В. В. Профессиональная и общественная деятельность интеллигенции Западной Сибири в 1907—1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 26.12.00: утв. 18.03.01 / Валентина Владимировна Мезенцева. — Омск, 2000. — 251 с. — Приложение 14.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. В 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. — СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899. Т. LXXIX: Томская губерния. — СПб, 1904. — 246 с.
9. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. — Томск: б.и., 1909. — 408 с.
10. ГАОО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1697. — 56 л.
11. А — в Учительские организации в Сибири // Сибирские вопросы, 1907. — № 3. — С. 9—22.
12. А — в Учительские организации в Сибири // Сибирские вопросы, 1907. — № 4. — С. 22—28.
13. Общество вспомоществования учащим и учившим Тобольской губернии // Сибирский листок. — 1897. — 13 июля (№ 54). — С. 3.
14. Отчет о деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии. — Тобольск, 1908. — 28 с.
15. Городская хроника: деятельность Тобольского общества вспомоществования учащим и учившим // Сибирский листок. — 1908. — 20 января (№ 9). — С. 3.
16. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 23. — 143 л.
17. ГАОО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 786. — 372 л.
18. Бюрократическая опека над педагогами // Сибирская жизнь. — 1905. — 9 ноября (№ 225). — С. 2.
19. Милютин, А. Письмо в редакцию. Комментарии к «Любопытной странице» / А. Милютин // Сибирская жизнь. — 1903. — 5 октября (№ 216). — С. 2.

БЛИНОВА Ольга Валерьевна, аспирантка кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: e-mail: blinova_olya@list.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2010 г.

© О. В. Блинова

Книжная полка

Бородкин, Л. Советское наследство. Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / Л. Бородкин. — М.: Росспэн, 2010. — 351. — ISBN 978-5-8243-1459-5.

Коллективная монография посвящена проблеме преемственности между советской и постсоветской эпохами, показаны судьба и роль «советских социальных, экономических и культурных практик в меняющейся институциональной среде перестроечного и «переходного» периодов. В книге затрагиваются такие сюжеты, как механизмы и формы объединения граждан; формальная и неформальная экономическая активность; стройотряды и «шабашничество», правозащитная деятельность религиозных меньшинств; челночная торговля; трудовые отношения на старых и новых предприятиях; способы решения проблем детства и материнства; домашнее производство и потребление в условиях дефицита и рынка. В книге показано, что социальные рутины и поведенческие практики, унаследованные от советского прошлого, оказались ценным ресурсом в сложных условиях переходного периода, но в то же время воспроизводство поведенческих стратегий могло выступать и существенной преградой на пути реформ, особенно в сходных институциональных условиях. Книга предназначена для специалистов социальных, исторических и экономических наук, а также для всех интересующихся вопросами общественной трансформации.

«КОМИССИЯ ДЛЯ СОЧИНЕНИЯ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ» 1767—1768 гг. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются различные аспекты отечественной историографии XIX — начала XX вв. в контексте проблемы екатерининской комиссии 1767—1768 гг.

Ключевые слова: дореволюционная историография, Уложенная комиссия, эпоха Екатерины II.

Кодификационная комиссия 1767—1768 гг. постоянно привлекала к себе внимание историков и публицистов. Сам ее созыв и организация работы давали богатый простор для поисков аналогий в историческом и тогдашнем общественно-политическом опыте России. Первые оценки Комиссии были даны ее современниками. Мероприятие, на которое поначалу в обществе возлагались большие надежды, вскорости вызвало негативные оценки. Одних не устраивала деловая сторона вопроса, непродуманность организации, другие выступали против излишнего радикализма, третьи, например, иностранные современники, воспринявшие Комиссию в качестве ограничителя монархии, были разочарованы конечным итогом [1, 2].

Первые исторические сведения о Комиссии были представлены в мемуарном сочинении А.А. Бибикова о своем отце — председателе Комиссии [3]. На наш взгляд, правомерно выделить два основных момента этого труда. Во-первых, А.А. Бибиков настаивал на преждевременности мероприятия, говорил о неподготовленности общества в лице своих представителей к решению предстоящей задачи. Во-вторых, в качестве главной причины закрытия Комиссии автор назвал возбуждение в ней крестьянского вопроса. В целом в сочинении А.А. Бибикова лейтмотивом звучит мысль о безрезультатности, бесполезности работы Комиссии. Высказывания известного автора на долгое время станут достоянием общественно-исторической мысли, прочно войдут в историографию.

В 30—40-е гг. XIX в., в условиях николаевского режима, прозвучала мысль о том, что Комиссия как собрание народных представителей, была не только бесполезна, но, более того, опасна и вредоносна [4, 5].

Первое обстоятельное исследование Уложенной комиссии историческая наука получила в труде С.М. Соловьева, написанного на обширном архивном материале [6]. Исследование С.М. Соловьева носило фактографический характер, историк весьма скупно высказывал свое отношение к описываемым событиям. Так, например, первым обратив внимание на депутатские наказания в Комиссию как исторический источник, он ограничился простым пересказом требований, высказанных в них. Кроме того, иногда единичные факты историк выдавал за типичные. Уделив значительное внимание крестьянскому вопросу

в Комиссии, С.М. Соловьев весьма высоко оценил по нему позицию Екатерины II к началу работы собрания, считая, что императрица была готова к отмене крепостного права. Однако объективные обстоятельства оказались сильнее. Им также было выявлено стремление властей к изоляции некоторых окраин империи, принимавших участие в работе Комиссии. Касаясь одного из принципиальных вопросов проблемы — вопроса о результатах деятельности Комиссии, С.М. Соловьев процитировал слова императрицы: «Комиссия ... подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком печься должно». Историк, вслед за Екатериной II, считал, что общая цель созыва Комиссии была достигнута. Вопрос о том, что Комиссия не выполнила своей прямой задачи (составления нового Уложения) исследователем не затрагивался.

Оценка С.М. Соловьевым соотношения целей и итогов деятельности Комиссии несколько ослабила общий историографический пафос относительно ее совершенной безрезультатности.

Следует отметить, что с конца 1860-х гг. благоприятным образом изменяется ситуация с источниковой базой. В рамках издательской деятельности Русского исторического общества была предпринята публикация материалов Уложенной комиссии. Она была начата в 1869 г. и завершена в 1916 г. За этот период было издано 14 томов документов Уложенной комиссии. Публикацией поочередно руководили такие исследователи, как Д.В. Поленов, В.И. Сергеевич, Н.Д. Чечулин [7—9].

Одним из ключевых моментов в историографии проблемы стал вопрос о причинах неуспеха Комиссии. Первые попытки ответа на него, предпринятые еще очевидцами событий и ближайшими современниками, были связаны с поиском политической подоплеки. Причем речь здесь менее всего шла о фактическом характере неудачи.

В конце 1870-х гг. в виде возражения и в качестве альтернативы в литературе было предложено иное понимание причин неудачи Комиссии. Представитель юридической школы, В.И. Сергеевич, сконцентрировал свое внимание сугубо на технической стороне вопроса [10]. В первую очередь подвергся критике «Наказ» Екатерины II как руководство для

составления проекта нового Уложения. Отмечалось, что в таком качестве этот документ страдал крайней неполнотой. Он указывал лишь общее направление законодательства, нередко ограничиваясь простым приведением примеров из иностранных источников. Несогласованность многих положений самого «Наказа», а также крайнее противоречие его начал с содержанием депутатских наказов, делал вывод В.И. Сергеевич, явились непреодолимым препятствием в работе Комиссии. Кроме того, исследователь считал неудачным избрание А.И. Бибикина на пост председателя Комиссии.

Эта точка зрения вызвала как определенные возражения [11], так и снискала поддержку. Исследователи М.А. Липинский и В.Н. Латкин показали, что Комиссия по объективным причинам изначально не могла выполнить возложенной на нее задачи [12, 13]. В целом можно говорить о доминировании этой точки зрения в историографии 70–90-х гг. XIX в. Причина обращения к технической составляющей неуспеха Комиссии кроется, на наш взгляд, в том, что, во-первых, в этот период шло активное изучение фактической, внешней истории Комиссии. Во-вторых, в годы острой политической борьбы для либерально-буржуазной историографии было принципиально важно опровергнуть имеющий место тезис об изначальной несостоятельности народного представительства, необходимо было доказать, что причиной неудачного опыта российского парламентаризма (а именно так оценивало Комиссию большинство либеральных исследователей) явилась непродуманность правительством конкретных механизмов работы такого рода предприятия.

В 1887 г. правовед В.Н. Латкин защитил докторскую диссертацию, опубликовав ее в этом же году в виде отдельной книги [14]. На титульном листе было обозначено, что это первый том исследования. В предисловии автор пояснил, что ввиду обилия материала он был вынужден разделить свое сочинение на два тома. В первый том вошло изложение истории законодательных комиссий до Екатерины II, а также изложение истории выборов в екатерининскую комиссию 1767 г. и анализ содержания дворянских и городских наказов. Второй том, в который автор планировал включить анализ наказов от остальных сословий, от государственных учреждений, обзор деятельности общей и частных комиссий, а также обзор деятельности павловской (1797 г.) и александровской (1804 г.) комиссий, не был написан. Впрочем, несмотря на это, исследование В.Н. Латкина на долгие годы определило основные направления изучения дворянских и городских наказов. В первую очередь, это изучение истории их составления, определения их общей направленности и отдельных требований, а также изучение мероприятий правительства, направленных на их реализацию. Также В.Н. Латкин был одним из первых, кто стал рассматривать екатерининскую законодательную комиссию через призму предшествовавших кодификационных попыток.

В последней четверти XIX в. заметен значительный исследовательский интерес к проблеме законодательной политики в отношении городского населения второй половины XVIII в. В частности, разрабатывается сюжет о городском представительстве в Комиссии 1767 г. На страницах исторической литературы развернулась дискуссия, камнем преткновения которой стал «обряд выборов» в Комиссию. Исследователь И.И. Дитятин впервые в историографии высказал мысль о том, что этим законодательным актом городу

был придан статус юридического лица [15]. Эта точка зрения была поддержана и в значительной степени дополнена в трудах М.А. Липинского, А.А. Кизеветтера, С.В. Вознесенского [12, 16, 17]. Исследователь Д. Семенов находил начало всесословности еще в Московской Руси, полагая, что эта тенденция дождалась в народном сознании до екатерининского времени и нашла живейший отклик на правительственное узаконение 1767 г. [18]. Отдельные же авторы отказывались видеть в «обряде» выражение нового взгляда на городское общество [10], ссылаясь иногда на практику выборов, допуская, таким образом, смешение права и факта [14]. В целом можно говорить о том, что в историографии возобладала точка зрения И.И. Дитятина и его сторонников и даже ее недавние противники признали, с некоторыми оговорками, ее правоту [13]. Отметим также, что вопрос о всесословности города, будучи тесно связанным с вопросом о народном представительстве, носил совершенно определенную политическую окраску.

В конце XIX — начале XX в. относительно причин неудачи и роспуска Комиссии историография вновь обратилась к политической аргументации. Исследователь Н. Полетаев заявил, что виной всему была косность вельмож, испугавшихся радикализма императрицы и сознательно искажавших ее намерения [19]. Г.В. Вернадский также был близок к тому, чтобы обвинить депутатов в злонамеренности [20, с. 47]. Однако в целом им была представлена достаточно оригинальная точка зрения. Главной причиной созыва Комиссии, по его мнению, выступила необходимость для Екатерины II уравновесить притязания сановного дворянства с притязаниями других сословий. Г.В. Вернадским впервые в историографии была высказана мысль о том, что, выполнив поставленную перед ней задачу, Комиссия была распущена. Некоторую роль в этом отношении исследователь отводил также обсуждению крестьянского вопроса [20, с. 43–65].

Фигура председателя Комиссии не представляла в дореволюционной историографии широкого интереса, а имеющиеся оценки отличаются крайней противоречивостью. А.И. Бибикина считали то наиболее удачным выбором императрицы (И.И. Дитятин), то одним из виновников неудач Комиссии (В.И. Сергеевич). В начале XX в. автор специальной работы, посвященной А.И. Бибикину, выступил за примирение этих крайних позиций, считая, что, возможно, не будучи идеальной фигурой, этот человек сделал все что мог в рамках своих полномочий [21].

Начало XX в. в общественно-политической жизни России было ознаменовано созывом Государственной думы, что привнесло свои особенности в историографию вопроса. Наряду с традиционными аспектами проблемы в литературе уделялось внимание и относительно новым. Выборы в Государственную думу обусловили повышенный интерес к процедуре выборов в Комиссию 1767 г. [22]. Наиболее полное исследование этого вопроса было представлено в труде А.В. Флоровского «Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг.» [23]. В нем автор представил историю выработки законоположений о выборах, а также историю самих выборов. Это сочинение легло в основу диссертации на соискание степени магистра русской истории. В 1916 г. оно было удостоено Уваровской премии Академии наук. Написанная на богатейшем архивном материале, эта работа не потеряла своей ценности и до нашего времени.

В дореволюционной историографии прочно утвердилось представление о двух периодах в правле-

нии Екатерины II — «либеральном» и «консервативном». Согласно этому представлению, после подавления крестьянского восстания 1773—1775 гг. власть обратилась к укреплению административной системы и законодательному укреплению сословных привилегий, отказавшись от многих либеральных обещаний и начинаний предыдущего периода. А.А. Кизеветтер был одним из немногих исследователей, установивших единство екатерининского политического курса. Во второй период, считал историк, изменились лишь методы законодательной работы власти, а цель — укрепление самодержавно-бюрократического строя — осталась прежней [24, 25]. В поисках дополнительной аргументации А.А. Кизеветтер обратился к законодательной политике Екатерины II до Комиссии 1767 г., опровергнув еще один историографический тезис, согласно которому, Уложенная комиссия сокрушила теоретико — философские идеалы императрицы и способствовала появлению адекватной стратегии управления страной. Будучи уже в эмиграции историк писал: «Никакого столкновения между предполагаемым политическим радикализмом Екатерины и предполагаемой политической косностью депутатов Комиссии 1767 г. мы ... не находим» [26]. Таким образом, А.А. Кизеветтер последовательно проводил в своих работах идею законодательного единства деятельности правительства Екатерины II, включая и Уложенную комиссию. Аналогичные выводы были сделаны В.А. Григорьевым в ходе изучения губернской реформы [27]. Однако общее состояние парадигмы осталось прежним.

Большинство дореволюционных авторов рассматривали Комиссию как арену сословной борьбы. Поэтому главным инструментом для понимания деятельности и сущности Комиссии в целом выступали дискуссии, проходившие в ней, и депутатские указы. В историографии прочно укрепился взгляд на Комиссию как на очередную неудавшуюся кодификационную попытку. Работы отдельных авторов, по мнению которых, деятельность Комиссии 1767 г. положительным образом сказалась на правовой культуре, на отдельных вопросах законодательства [28—31], не меняли общей историографической ситуации.

Библиографический список

1. Благовидов, Ф.В. Отношение современников и истории к Наказу и Большой Комиссии Екатерины II [Текст] / Ф. В. Благовидов // Наблюдатель. — 1895. — №10. — С. 57—85.
2. Кнорринг, Н.Н. Екатерининская законодательная комиссия 1767 года в освещении иностранных резидентов при русском дворе [Текст] / Н. Н. Кнорринг // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милокову. 1859—1929. — Прага : Литература, 1929. — С. 327—350.
3. Бибииков, А.А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибиикова [Текст] / А. А. Бибииков. — СПб. : Морск. тип., 1817. — 326 с.
4. Сумароков, П.И. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великой [Текст]. В 3ч. Ч. 1 / П. И. Сумароков. — СПб. : Тип. Мед. деп. М-ва вн. дел, 1832. — С. 130—133.
5. Вейдемейер, А.И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия [Текст]. В 2ч. Ч. 1 / А. И. Вейдемейер. — СПб. : Э. Эйнерлинг, 1846. — С. 64—65.
6. Соловьев, С.М. Сочинения [Текст]. В 18 кн. Кн. 14. — Т. 27. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев ; отв. ред. В. В. Кошцова ; авт. коммент. И.А. Булыгин. — М. : Голос : Колокол — Пресс, 1998. — С. 74—126.
7. Трубочев, С. Чем обязана императору Александру III русская историческая наука? [Текст] / С. Трубочев // Наблюдатель. — 1895. — № 1. — С. 371—373.
8. Недосекин, В.И. Об изучении наказов в законодательную комиссию 1767 г. [Текст] / В. И. Недосекин // Источниковедение отечественной истории, 1979 : сб.ст. — М. : Наука, 1980. — С. 192—194.
9. Медушевский, А.Н. Из истории работы русских историков в архивах (конец XIX — начало XX вв.) [Текст] / А. Н. Медушевский // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. — М. : Наука, 1990. — С. 217—220.
10. Сергеевич, В.И. Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии? [Текст] / В. И. Сергеевич // Вестник Европы. — 1878. — № 1. — С. 188—264.
11. Дитятин, И. И. Екатерининская комиссия 1767 года о сочинении проекта нового уложения [Текст] / И. И. Дитятин // Юридический вестник. — 1879. — Т. 1. — С. 663.
12. Липинский, М.А. Новые данные для истории екатерининской комиссии о сочинении проекта нового уложения [Текст] / М. А. Липинский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1887. — Ч. 251. — № 6. — С. 225—293.
13. Латкин, В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) [Текст] / В. Н. Латкин ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова ; МГУ им. М. В. Ломоносова, юрид. фак. — Публикуется по 2-му изд. 1909 г. / перераб. и испр. с 1-го изд. — М. : Зерцало, 2004. (Серия «Русское юридическое наследие»). — С. 57.
14. Латкин, В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование [Текст] Т. 1 / В. Н. Латкин. — СПб. : Изд-е Л. Ф. Панглеева, 1887. — 595 с.
15. Дитятин, И.И. Устройство и управление городов России. [Текст]. В 2 т. Т. 1. Введение. Города России в XVIII столетии / И. И. Дитятин. — СПб. : Тип-я П. П. Меркулева, 1875. — 508 с.
16. Кизеветтер, А.А. Происхождение городских депутатских наказов в екатерининскую комиссию 1767 г. [Текст] / А. А. Кизеветтер // Русское богатство. — 1898. — №11. — С. 32—57.
17. Вознесенский, С.В. Городские депутатские указы в екатерининскую комиссию 1767 года [Текст] / С. В. Вознесенский // Журнал Министерства народного просвещения. — Новая серия. — 1909. — Ч. 24. — №11. — С. 89—119; № 12. — С. 241—284.
18. Семенов, Д. Городское представительство в екатерининскую эпоху [Текст] / Д. Семенов // Русское богатство. — 1898. — №1. — С. 36—58.
19. Полетаев, Н. Наказ императрицы Екатерины II [Текст] / Н. Полетаев // Журнал Министерства юстиции. — 1895. — №10. — С. 93—128.
20. Вернадский, Г. В. Императрица Екатерина II и Законодательная комиссия 1767—1768 гг. [Текст] / Г. В. Вернадский // Сборник Общества истории, философии и социальных наук при Пермском ун-те. — Пермь, 1918. — Вып. 1. — С. 43—65.
21. С.П.А. Александр Ильич Бибииков как маршал Большой екатерининской комиссии [Текст] : (Исторический этюд) / С. П. А. // Костромская старина. — 1911. — Кн. 7. — С. 13—22.
22. Кудряшов, П. Отношение населения к выборам в екатерининскую комиссию [Текст] / П. Кудряшов // Вестник Европы. — 1909. — Т.6, №11. — С. 99—120; № 12. — С. 531—548.
23. Флоровский, А.В. Состав Законодательной комиссии 1767—1774 гг. [Текст] / А. В. Флоровский. — Одесса : Тип. «Техник», 1915. — 610 с.
24. Кизеветтер, А.А. Историческое значение царствования Екатерины Великой [Текст] / А. А. Кизеветтер // Образованье. — 1896. — №11. — С. 7—26.
25. Кизеветтер, А.А. Императрица Екатерина II как законодательница [Текст] : (Речь перед докторским диспутом) / А. А. Кизеветтер // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. — М. : ОКТО, 1912. — С. 274—283.
26. Кизеветтер, А.А. Первое пятилетие правления Екатерины II [Текст] / А. А. Кизеветтер // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милокову. 1859—1929. — Прага : Литература, 1929. — С. 316.
27. Григорьев, В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г. [Текст] / В. А. Григорьев. — СПб. : Рус. скоропеч., 1910. — 387 с.

28. Толстой, Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года [Текст] / Д. А. Толстой. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1885. — С. 63–76.

29. Лаппо-Данилевский, А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II [Текст] / А. С. Лаппо-Данилевский. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. — 62 с.

30. Флоровский, А. В. Из истории екатерининской Законодательной комиссии. Вопрос о крепостном праве [Текст] / А. В. Флоровский. — Одесса : Тип. «Техник», 1910. — 320 с.

31. Бочкарев, В. Н. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 г. [Текст] / А. Н. Бочкарев // Русская

старина. — 1915. — Т. 161. № 1. — С. 64–72; № 2. — С. 324–342; № 3. — С. 561–575; Т. 162. — № 4. — С. 38–59; № 5. — С. 312–325.

ВОЛКОВА Людмила Александровна, аспирантка кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.

Адрес для переписки: e-mail: wolkowa.ludmila2010@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 08.04.2010 г.

© Л. А. Волкова

УДК 347.99 (571) (09)

Е. В. КУЧЕРЯВЕНКО

Омский государственный
аграрный университет

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО КОРПУСА ДЛЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается влияние судебной реформы в Сибири на кадровый состав судебных служащих. Дается общая характеристика образовательного уровня служащих новых судебных учреждений и критериев отбора кандидатов на новые должности, появившихся в связи с реализацией Временных правил. Политика отбора кандидатов рассматривается на основе материалов переписки между председателями окружных судов с выявлением главных акцентов при принятии решений о назначении или отказе от назначения на должность.

Ключевые слова: кадровый состав, нравственная репутация, мировой судья.

Обсуждение проектов судебной реформы в Сибири выделило множество социально-экономических, географических, административно-территориальных особенностей края, влияющих на реализацию судебной политики. Дискуссии в общественных и политических кругах по поводу проведения судебных преобразований в Сибири отличались поляризацией взглядов: распространение на территорию края в полной мере судебной реформы 1864 года или применение в регионе реформы в урезанном варианте с усилением государственного влияния. В качестве одного из факторов, с помощью которого обосновывали сокращение демократических начал предстоящей судебной реформы в Сибири, называли и низкий уровень кадрового потенциала региона. Как доказательство сторонники этой точки зрения приводили в пример опыт проведения судебной реформы 1864 года. В качестве одной из трудностей ее осуществления стала проблема подготовки кадров на судебные должности, несмотря на то, что проведение судебной реформы совпало с первым выпуском правоведов, прослушавших полный курс юридических наук. Как отмечали исследователи, «выпускники 1864 г. изучали только дисциплины юридической науки, что позволило сформировать у них новое юридическое мировоззрение. Благодаря этому обстоятельству свежие силы юристов смогли усвоить основы правовых на-

чал, провозглашенных Судебными уставами Александра II: суд равный, скорый и справедливый» [1]. Однако и это обстоятельство не смогло в полной мере решить проблему кадрового голода.

Следует подчеркнуть, что кадровый вопрос для сибирского суда действительно оставался еще более острым. Отмечался недостаток опытных и профессиональных кадров. «Так, результаты сенатской ревизии губерний Западной Сибири, проведенной в 1891–1892 гг., показали весьма низкий уровень правовой культуры среди судейских чиновников. В документах проверки Ишимского окружного суда отмечалось: «... из трёх столоначальников двое страдают запоем, являются на службу пьяными, грубят в суде, валяются пьяными на улицах». А один из заседателей суда во время ежегодно происходившей в городе ярмарки (одна из крупнейших в Западной Сибири) сдавал комнату кушцам, а сам был у последних на посылках... Ревизия обнаружила среди дел, находившихся в судебном производстве, и такие, как «дело о вскрытии беременности крестьянской девицы Феклы Бухваловой», «о похвальных словах крестьянки Шергиной» или «об изорвании галоши почталюна Монастырева собакой Беретнева» [2, с. 76–77].

Судебная реформа 1896 года в числе прочего была призвана решить довольно сложную задачу: повысить уровень юридических знаний среди судебных

чиновников и обеспечить новые судебные органы людьми опытными и профессиональными в условиях отсутствия развитой академической базы и недостатка кадров. Отчасти это определило отличные от центральной России требования к кандидатам на судебные должности.

Например, мировым судьей мог быть только местный житель мужского пола, имеющий российское подданство, достигший 25 лет, безупречный с нравственной точки зрения. Кроме этого, кандидат на должность мирового судьи должен был отвечать следующим имущественным требованиям: владеть недвижимым имуществом в уездах — не менее 15 тыс. руб., в городах-столицах — не менее 6 тыс. руб., в других городах — не менее 3 тыс. руб.

Требования к образованию к претендентам на должность мирового судьи в Сибири были по сравнению с судебными уставами 1864 года менее «суровыми». Достаточно было окончить курс в среднем учебном заведении или не менее трех лет занимать должность, при исполнении которой кандидат мог приобрести практические сведения о производстве судебных дел.

Подобная лояльность к кандидатам могла привести к значительному ущербу качества кадрового состава мировых судей. В действительности же, судебная реформа 1896 года в первые годы её реализации значительно повысила общий профессиональный уровень судебных служащих. «Так, из первого состава нового пореформенного судебного корпуса более 90 % имели высшее образование, причём 53 % из них сибиряками» [2, с. 77].

Но и в 1909 году большинство мировых судей, состоящих при Томском окружном суде, имели высшее юридическое образование, были награждены медалями и орденами различного достоинства. Из 38 мировых судей только 4 не имели оконченного высшего образования: К.А. Станкевич, А.П. Калинин, П.Е. Цвилинский, Н.П. Васильев [3].

Большое значение при назначении на судебные должности имела нравственная репутация кандидата. Обязательным условием назначения на должность нотариуса или частного поверенного было проверка его нравственных качеств. Об этом свидетельствует богатая переписка судей Тобольского окружного суда.

В письме от 21 апреля 1897 года председатель Тобольского окружного суда М.Я. Веденский запрашивает необходимую информацию о кандидате на должность нотариуса у председателя Екатеринбургского окружного суда. «Камышловский нотариус Николай Албычев обратился ко мне с ходатайством о перемещении его на должность нотариуса в город Тюмень Тобольской губернии. В виду сего я имею честь просить Ваше Превосходительство сообщить мне сведения как о нравственных и служебных качествах просителя, так и о том, нет ли с Вашей стороны препятствий к перемещению Албычева на просимую должность» [4]. Ответ был направлен уже 25 апреля 1897 года. «Камышловский нотариус округа вверенного мне суда Н.П. Албычев, служа с 1878 года, по справедливости считается человеком знающим, трудолюбивым и весьма добросовестным, так как за всё это время на него не поступало никаких жалоб» [5].

В письме председателя Уфимского окружного суда от 04 июня 1897 года содержатся рекомендации для назначения нотариусом своего подчинённого. «г. Гергардт во все время службы своей (с 22 июня 1894 года) в округе вверенного мне суда ни в чём предосудительным замечен не был. Обладая хорошими нравственными качествами, нотариус Гергардт принадле-

жит к числу довольно опытных деятелей по нотариальной части» [6].

Проверка претендентов, не являющимися на момент подачи ходатайства о назначении на должность действующими судебными служащими, осуществлялась более тщательным образом. Направлялись соответствующие запросы в полицейские органы и прокурорам. Вот ответ на запрос председателя Тобольского окружного суда из Тобольского жандармского управления от 16 июля 1897 года о проверке личных качеств некоего Ивана Петровича Амброуза. «Амброуз в вверенном моему наблюдению участке ни в чём предосудительном в нравственном отношении себя не проявлял; жизнь ведёт весьма скромную, семейную и пользуется доверием и уважением со стороны местных жителей» [7].

В письме от 08 августа 1897 года товарища прокурора по Тарскому участку сообщается о нравственных качествах Копылова, бывшего секретаря в дореформенном Тарском окружном суде. «Копылов сильно пьёт. В упразднённом Тарском окружном суде, по крайней мере за последнее время, Копылов заправляет всем и пользуется отсутствием всякого контроля, брал из суда на дом и разрешал за деньги лицам заинтересованным рассматривать их; брал деньги за то, чтобы было решено в пользу того или другого лица» [8].

На должность нотариусов претендовали лица не только служащие при судах, но и люди, далёкие от судебной деятельности. В письме директора народного училища Пермской губернии от 16 июня 1897 года даны рекомендации на должность нотариуса. «Учитель Коллем Кунгурского городского училища — человек вполне благонадёжный, хороших нравственных качеств и отличный учитель» [9].

Занятие адвокатской деятельностью требовало получение свидетельства на звание частного поверенного. Процесс его получения был довольно трудоёмким и включал в себя несколько стадий: подача прошения на председателя окружного суда, проверка его профессиональных и нравственных качеств, принятие экзамена, принятие решение о выдаче или об отказе выдачи свидетельства, которое оформлялось протоколом заседания суда.

Например, прошение почётного гражданина В.В. Лоренсова было подкреплено характеристикой председателя Челябинского уездного съезда. «За всё время г. Лоренсов отличался знанием дела, добросовестным исполнением своих обязанностей, честностью, аккуратностью, трезвостью и вообще безупречным нравственным поведением и как наилучший из частных поверенных, состоящих при Уездном Съезде, почему вполне заслуживает выдачи ему свидетельства на звание частного поверенного при Томском окружном суде, выдача означенного свидетельства несомненно будет с пользою дела. При этом приговариваю, что г. Лоренсов по назначению Председателя Саратовской Судебной Палаты вёл защиты по делам в выездных сессиях Саратовской Судебной Палаты и Троицкого Окружного суда, где также отличался своим знанием и успехом» [10].

Все рекомендации и характеристики обязательно проверялись посредством направления запросов. В отношении Лоренсова прокурор Троицкого окружного суда направил ответ. «...познания частного поверенного при Челябинском Уездном Съезде удовлетворительны, что же касается его нравственных качеств, то неблагоприятных сведений о них я не имею» [11].

А вот прошение письмоводителя мирового судьи Томского окружного суда В.С. Ильина удовлетворено

не было, несмотря на хорошие рекомендации его служебных и моральных качеств, о чем составлен протокол. «...на основании 406 (6) ст. учр. суд. устан., произведено испытание в познаниях в законах отставного канцелярского служителя того Суда Василия Семенова Ильина, заявившего желание в поданном в Суд прощении, быть принятым в число частных поверенных при Томском Округном Суде, при чем он, Ильин, оказал познания неудовлетворительные для ведения чужих дел мировой подсудности в округе сего суда» [12].

Таким образом, несмотря на имеющиеся факты непрофессионализма и низкого нравственного уровня судебных служащих Сибири при осуществлении возложенных на них функций, можно отметить в целом благотворное влияние судебной реформы 1896 года на кадровый состав судебных учреждений края. Более 90 % судей и прокуроров имели высшее юридическое образование, более половины прибыло в Сибирь впервые. Именно они стали для края основой правового фундамента, на котором предстояло построить здание новой судебной власти и систему качественно иного правосудия, отвечающего требованиям доступности, открытости и справедливости. Многочисленные факторы, отрицательно повлиявшие на дальнейшее функционирование судебной власти в Сибири, не уничтожили главное — система правосудия, закреплённая в судебных уставах 1896 года, была сформирована и функционировала вплоть до её уничтожения в 1917 году.

Библиографический список

1. Юдин, В. Г. Вопросы подготовки кандидатов на судебные должности / В. Г. Юдин, А. В. Вишневецкий // Российский судья. — 2006. — № 9. — С. 9.

2. Чечелев, С. В. Правовая культура и правовое сознание жителей Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / С. В. Чечелев // Правовая культура и правовой нигилизм: сб. материалов межвуз. конф. (24 февраля 2006 года). — Омск, 2006. — С. 75—78.

3. Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 152.
4. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 158. Оп. 2. Д. 6. Л. 3-3об.
5. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 158. Оп. 2. Д. 6. Л. 4-4об.
6. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 158. Оп. 2. Д. 6. Л. 6.
7. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 158. Оп. 2. Д. 6. Л. 13.
8. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 158. Оп. 2. Д. 6. Л. 18.
9. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 158. Оп. 2. Д. 6. Л. 9.
10. Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 33. Л. 14.
11. Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.
12. Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.

КУЧЕРЯВЕНКО Евгений Владимирович, аспирант кафедры истории и регионального развития.
Адрес для переписки: e-mail: kucheryavenkoevg@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.02.2010 г.

© Е. В. Кучерявенко

УДК 947.084.62

В. Ю ЧИЧУЛИНА

Омский государственный педагогический университет

РОССИЙСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ МТС (1929—1936 гг.)

В статье предлагается анализ советской и российской литературы по вопросу о роли машинно-тракторных станций в процессе коллективизации Западной Сибири (1929—1936 гг.).

Ключевые слова: МТС, историография, коллективизация, сельское хозяйство.

Интерес к аграрному прошлому России, который наблюдается сегодня, закономерен. В силу того, что объективная аграрная история нашей страны еще не написана. Одна из наиболее ярких страниц в истории развития сельского хозяйства связана с МТС. Они устойчиво и довольно эффективно функционировали более четверти века (1929—1958 гг.). МТС принципиально меняют производство, и вместе с тем

глубоко воздействуют на все сферы общественной жизни и на самого человека. Эта форма производственно-хозяйственной деятельности заслуживает особого анализа и оценок.

Изучение роли МТС началось по следам событий в конце 20-х — начале 30-х годов. Литература данного периода связана с повседневной практикой, с процессом подготовки и осуществления реконструкции

сельского хозяйства. И не случайно, если исходить из социально-экономического аспекта, прослеживается определенная двойная роль МТС. А именно, являлись организаторами технической базы [1], служили распространению элементарных сельскохозяйственных знаний в деревне, способствовали поднятию культурного уровня бедноты [2]. Но и как диктовало время самой эпохи, являлись могущественным рычагом коллективизации и ликвидации кулачества как класса [3].

Интересны факты отмеченные В. П. Черноголовиним и А. Ананьевым, а именно, что «совхозные и колхозные поля Омской области в 1935 году, как никогда, вооружены сельскохозяйственными механизмами» [4]; «неграмотной, темной и дикой Сибири уже не существует... Улучшилось обслуживание материально-бытовых и культурных нужд трудящихся» [5].

Освещаются злободневные вопросы, такие как бережное отношение к машине во время работы, своевременный ремонт¹. Кроме того, поднимается вопрос о социальных изменениях, а именно отмечается, что «непрерывно растут ряды рабочего класса как в городе, так и в деревне. Колхозное крестьянство — прочная опора Советской власти в деревне стало центральной фигурой земледелия. На базе сплошной коллективизации успешно проводится ликвидация кулачества как класса, а в решающих сельскохозяйственных районах края она, в основном, завершена» [6].

С начала 30-х годов в аграрной проблематике появляется новая важная тема — коллективизация сельского хозяйства. И сквозь призму данной темы происходит анализ МТС². Лучшие из работ написаны на основе богатого фактического материала. Издаются статистические сборники по деятельности МТС³. Особо следует отметить статьи и доклады руководителей сибирских партийных организаций Р.И. Эйхе, Д. А. Булатова и других, много писавших о колхозном строительстве⁴. В их работах дается анализ колхозного строительства, и затрагиваются вопросы, связанные с МТС. Эти статьи имеют не столько историографическое, сколько источниковедческое значение.

В период с конца 30-х до середины 50-х расширялась проблематика, совершенствовались концепции. М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин, характеризуя литературу 40-х — начала 50-х годов, писали, что она была «шагом вперед как по введеному в оборот фактическому материалу, так и особенно по выявлению общих закономерностей социалистического преобразования сельского хозяйства в нашей стране» [7].

Появляются первые монографические исследования, среди которых выделяется фундаментальный труд М. А. Краева «Победа колхозного строя в СССР». Однако следует отметить, что в освещении подготовки технической реконструкции автор уделил очень мало внимания, ограничившись беглыми сведениями о продукции отечественного сельскохозяйственного машиностроения [8], не много о первых тракторных колоннах [8, с. 371 — 372, 475 — 485]. Тем не менее МТС автор рассматривает как предприятия социалистического государства, как индустриальную базу колхозного строя, как организаторов колхозного производства.

Затрагивает вопросы формы организации и оплаты труда «бригадная форма организации труда позволяет наилучшим образом применить в колхозах социалистический принцип оплаты, ликвидировать обезличку и уравниловку, выявить и материально стимулировать хорошо работающих колхозников» [8, с. 570].

Сибирская аграрная проблематика в этот период разрабатывалась менее эффективно, что в значительной мере было связано с недостатком квалификационных кадров историков в Сибири [9]. Накануне войны появилась серия книг и брошюр, показывающих результаты победы колхозного строя в деревне, развитие социалистического соревнования в сельском хозяйстве⁵. Эти работы по исследовательской методике не отличались от литературы середины 30-х годов.

Война на время отодвинула внимание историков от проблем социалистического переустройства деревни.

На литературе второй половине 30-х — первой половине 50-х годов в той или иной мере лежит печать догматизма, цитатничества, парадности, что тормозило, но не прерывало научную разработку истории деревни. Например, монография М.С. Смирновой «Борьба партии Ленина-Сталина за подготовку массового колхозного движения» написана в историко-партийном плане. Автор не ставил задачи исследовать процесс возникновения социально-экономических предпосылок коллективизации сельского хозяйства. Приведя отдельные сведения о количестве тракторов, направленных в деревню в 1927 — 1929 гг., о числе организованных прокатных пунктов, тракторных колонн и станций утверждает, что «к 1930 г. для социалистического преобразования сельского хозяйства была подготовлена мощная техническая база» [10].

Той же точки зрения придерживается Абрамов Б. А., утверждая, что «к началу сплошной коллективизации сельского хозяйства страна располагала промышленностью, выпускавшей сотни тысяч сельскохозяйственных машин, десятки тысяч тракторов... Массовое применение машин производило переворот в формах и методах сельскохозяйственного производства» [11].

Кроме того, следует отметить работу Д. Ф. Вермель, И. Е. Хлыстов «МТС — решающая сила в колхозном производстве», в которой авторы поднимают вопрос о необходимости укрепления материально-технической базы МТС и обеспечении их постоянными высококвалифицированными руководящими и инженерно-техническими кадрами. Говоря о роли МТС, отмечают, что «МТС не только подняли колхозное производство на новый технический уровень, но и явились опорными пунктами по разрыванию борьбы партии и государства за организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

При МТС были организованы политические отделы, куда партия направила тысячи лучших партийных работников. За два года (1933 — 1934) политотделы вырастили кадры руководителей колхозного производства, наладили хозяйственное руководство колхозами, провели большую работу по повышению политического уровня колхозников, помогли колхозам в борьбе с кулацкими элементами, пробравшимися в сельскохозяйственные артели» [12].

Тем не менее поступательный процесс накопления и развития научных знаний по проблеме продолжался.

После сентябрьского, 1953 г. пленума ЦК КПСС, когда партия вновь поставила во весь рост проблему кадров сельского хозяйства, в исторической науке намечается поворот к изучению этой темы [9, с. 14]. Особенно плодотворным явился период после XX съезда КПСС. В монографиях В.П. Данилова, М. Л. Богденко, М. А. Вылцана, посвященных отдельным проблемам истории сельского хозяйства СССР, выделены специальные параграфы и главы, в которых рассматриваются важные стороны проблемы кадров⁶.

Со второй половины 50-х годов происходит интенсивная творческая разработка истории советского

крестьянства. Значительно расширяется тематика и, что особенно важно, совершенствуется методология и методика исследований, утверждаются аналитические приемы в изучении исторического процесса⁷.

Крупным вкладом в изучение истории крестьянства явился выход в свет 4-го тома «Истории Сибири», в котором впервые показан путь развития сибирского крестьянства и сельского хозяйства с Октябрьской революции до победы социализма. В данной книге МТС отводится роль центров политической и культурной работы на селе. Рассматривая деятельность политотделов МТС, автор отмечает, что колхозники понимали необходимость политотделов и высоко оценивали их деятельность [13].

Историками отмечается подъем материально-бытового и культурного уровня трудящихся [9, с. 14].

А. К. Касьян, И. Н. Новиков в Истории Омской области отмечают, что политотделы в МТС помогли укрепить сельские партийные и комсомольские организации и усилить их влияние в колхозах по повышению дисциплины, правильной организации и оплаты труда⁸.

Исследуются изменения в социальном развитии советской деревни. Существенный прогресс в научной разработке данного процесса был достигнут в 80-е годы. Следует отметить, что крупные количественные и качественные изменения в составе рабочих и служащих исследователи связывают со строительством МТС, промышленных предприятий, культурно-бытовых и других учреждений⁹.

Границы понятия «колхозное крестьянство» очень подвижны. Некоторые исследователи выделяют внутри колхозного крестьянства особую социально-профессиональную группу — колхозную интеллигенцию¹⁰.

Другая часть исследователей рассматривает колхозную интеллигенцию как часть интеллигенции и не включает ее в состав колхозного крестьянства¹¹.

И. М. Волков и А. П. Тюрина считают, что отряд колхозной интеллигенции сложился ко второй половине 50-х гг., говорить же о нем применительно к 30-м годам преждевременно [14].

В целом процесс формирования аграрного отряда рабочего класса изучен в общих чертах. Не выяснены основные этапы этого процесса, их качественное отличие: социальное происхождение, источники формирования, культурно-технический уровень, общественно-политическая активность сельскохозяйственных рабочих. Еще меньше изучено формирование кадров МТС. Хотя в этом вопросе следует отметить работу Ю. В. Арутюняна, где автором прослеживается история механизаторов МТС и утверждается, что уже в 30-х годах механизатор превращается в основную фигуру колхозного производства [15]. С середины 80-х годов прослеживается новый этап в развитии данного вопроса. Публикуются работы, в которых собран и обобщен материал становления и развития МТС в Омской области, отмечены многие детали взаимоотношения их с коллективами хозяйств¹². Авторы данных работ утверждают, что колхозный строй в 30 — 50-е годы мог удержаться и наращивать определенные объемы производства в основном благодаря МТС. Эта структура оказалась тем спасательным кругом, без которого колхозы постигала бы судьба коммун. Более того, именно МТС послужили фундаментом для колхозного строительства и коллективизации, так как крестьянин сразу увидел преимущество коллективного труда с использованием средств механизации. Однако, как отмечает В. Фатеев, «не все крестьяне понимали значение и важность

механизации сельского хозяйства. Так, на собрании колхозников в деревне Ивановке заявили: «Нам не нужна МТС, без нее как-нибудь проживем» [16]. Отдавая великую дань МТС, тем не менее А. А. Мороз указывает на «отмывание» колхозных денег государством, которое, обременяя колхозы обязательными поставками, налогами, оставляло последние ни с чем [17].

Также поднимаются вопросы, связанные с ремонтно-технической базой, замечается, что она носила в основном примитивный приспособленческий характер¹³.

Кроме того, в 30-е годы отмечается интерес к научно-популярной литературе, основанной на практической пользе, наряду со школьным образованием проводится работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, проявляется массовый интерес у молодежи к физкультуре и спорту¹⁴.

Однако, как отмечают Л. А. Гордон, Э. В. Клопов «В конце 20 — начале 30-х годов сложился, а затем затвердел и приобрел характер нерушимого принципа директивной экономики так называемый остаточный подход к проблемам социальной сферы и уровня жизни. Выделение ресурсов на социальные потребности и благосостояние существенно лимитировалось их выделением на нужды, имевшие в глазах руководителей административно-хозяйственной системы более высокую настоятельность» [18].

Рассматривается деятельность политотделов МТС, делается вывод, что им удалось разрешить поставленные перед ними оперативные задачи, но как ударные производственные органы не могли быть связаны с другими сторонами сельской жизни (социальной, культурно-бытовой и т. д.)¹⁵.

Несмотря на омрачающие обстоятельства массовых репрессий в стране, общую картину убогости жизни крестьянина, именуемого колхозником, у коллективных хозяйств через посредство МТС появились позитивные перемены, а вместе с ними и ожидания лучшего.

Таким образом, в российской и советской историографии по данной проблеме освещены вопросы истории становления и развития МТС, отмечены интересные детали взаимоотношений их с коллективными хозяйствами. Исследованы вопросы формы организации и оплаты труда.

Однако слабо изученными остаются вопросы влияния МТС на социальное развитие советской деревни, подготовку механизаторских кадров в сельском хозяйстве в период с 1929 — 1936 гг.

Кроме того, не изученным остается и вопрос о роли МТС в эволюции Западной Сибири 1929 — 1936 гг. в социокультурном аспекте.

Примечания

¹ Башкиров, С. В. Испытание дисковых сеялок // Труды Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства Т. XI — Омск : Издание Сиб. института сельского хозяйства и лесоводства, 1929. — С. 139 — 186; Дудников, В. Т. О задачах сельскохозяйственных машиноиспытательных станций и установлении норм контрольных испытаний сельскохозяйственных машин и орудий // Труды Сибирского института. Т. XI. — Омск : Издание Сиб. института сельского хозяйства и лесоводства, 1929. — С. 3 — 10; Башкиров, С. В. Освоение сельскохозяйственных машин / С. В. Башкиров, А. В. Тарчевский. — Омск : ОМГИЗ, 1935. — 35 с.; Земсков, М. И. Вопросы о механизации в северных районах Омской области // Народное хозяйство Омской области. — 1935. — №6, сентябрь. — С. 31 — 34; Омский тракторно-ремонтно-сборочный завод. — Омск : Издание Сибметаллтреста, 1930. — 68 с.

² Хрустов, В. А. Машиноиспользование в Сибкрае в весеннюю посевную компанию в 1930 г. — Новосибирск : Полиграфтрест, 1930. — 67 с.; Мартынов, Б. Сибирские фабрики зерна. —

Новосибирск : Полиграфтрест, 1931. — 58 с.; Ананьев, А. Итоги первой пятилетки Западной Сибири. — Новосибирск : Западно-Сибирское краевое изд-во, 1934. — 84 с.; Фетисов, Н. А. Новый автомат для подъема тракторного плуга // Вопросы механизации сельского хозяйства Западной Сибири. — Омск : ОмГИЗ, 1936. — С. 28—31; Превратим Сибирь в мощную пшеничную житницу СССР на Востоке // Народное хозяйство Омской области — 1936. — № 8 (16). — С. 3—6; Тарчевский, А. В. Некоторые пути повышения производительности тракторов // Вопросы механизации сельского хозяйства Западной Сибири — Омск : ОмГИЗ, 1936. — С. 133—158.

³ Колхозы и МТС Омской области в 1935 году. — Омск : Омское областное земельное управление, 1936. — 236 с.; Районы Омской области. — Омск : Омское областное государственное изд-во, 1936. — 240 с.

⁴ Эйхе, Р. И. Западная Сибирь на переломе. — Новосибирск : Огиз. Запсиботделение, Полиграфтрест, 1930. — 84 с.; Эйхе, Р. И. Укрепление колхозов и задачи весеннего сева. — Новосибирск : Партиздат, 1933. — 56 с.; Эйхе Р. И. О хлебоуборке и организации хлебозаготовок. Доклад на пленуме Запсибкрайкома ВКП (б) 25 июля 1935 года. — Новосибирск : Зап-Сиб. Крайиздат, 1935. — 45 с.; Эйхе, Р. И. О плане сельскохозяйственных работ на 1938 г. — М. : Партиздат, 1938. — 32 с.; Булатов, Д. Важнейшее условие победы в уборочной — овладение техникой и полное использование сельскохозяйственных машин. — Омск : Омское областное изд-во, 1935. — 40 с.

⁵ Лукьяненко, Я. Ф. В борьбе за рекордный урожай. — Новосибирск : Партиздат, 1937. — 43 с.; Милов, С. Омская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке / С. Милов, В. Балуев — Омск : ОМОГИЗ, 1938. — 34 с.; Стручков, А. Родина Ефремовского движения / А. Стручков, Т. Домрачев — Барнаул : Партиздат, 1939. — 37 с.

⁶ Борисов, Ю. С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства (1930—1934 гг.) — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. — 288 с.; Баева, Е. А. Борьба Коммунистической партии за подготовку и воспитание колхозных кадров во второй пятилетке (1933—1937 гг.). — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. — 215 с.

7. Данилов, В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. — 450 с.; Богденко, М. Л. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. — 327 с.; Вылцан, М. А. Укрепление материально - технической базы колхозного производства во второй пятилетке (1933-1937 гг.) — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. — 297 с.

⁸ Касьян, А. К. Омск социалистический (1917—1940 гг.). — Омск : М-во РСФСР, Ом. гос. пед. ин-т им А. М. Горького, 1971. — 208 с.; Касьян, А. К. История Омской области с начала XX века до наших дней. — Омск : Западно-Сибирское книжное изд-во. Омское отделение, 1978. — С. 43.

⁹ Янкевич, П. Ф. Социальные изменения в крестьянстве Западной Сибири. — М. : Изд-во Московского университета, 1970. — 296 с.; Гуцин, Н. Я. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917-1937 гг.) / Н. Я. Гуцин, П. Ф. Янкевич, Ю. В. Журов — Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1978. — 430 с.; Медников, В. П. Союз, закаленный в борьбе и труде. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1973. — 312 с.

¹⁰ Арутюнян, Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. — М. : Мысль, 1971. — С. 87—88; Погудин, В. И. Освещение в советской литературе изменения в социальной структуры колхозной деревни // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. — Вологда : Наука, 1975. — С. 5; Гуцин, Н. Я. Социально-культурные последствия осуществления коллективизации в сибирской деревне // Культурное развитие советской сибирской деревни. — Новосибирск : Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1980. — С. 7—26.

¹¹ Игнатовский, П. А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. — М. : Мысль, 1971. — 287 с.; Островский, В. Б. Новый этап в развитии колхозного строя. — М. : Мысль,

1977. — 215 с.; Симуш, П. И. Социальный портрет советского крестьянства. — М. : Политиздат, 1976. — 319 с.

¹² Руткевич М. Н. Тенденции развития социальной структуры советского общества. — М. : Мысль, 1975. — С. 22; Староверов В. И. Советская деревня на этапе развитого социализма. — М. : Политиздат, 1976. — 144 с.

¹³ Хлеб Прииртышья. — Омск : книжное изд-во, 1999. — 400 с.; Мороз, А. А. Лемех плуга сильнее меча. — 2-е изд., перераб. и доп. — Омск : Кн. изд-во, 2003. — 432 с.; Мороз, А. А. Прошлое остается людям: Краткий хроникально-документальный очерк о развитии управления сельским хозяйством в Омском Прииртышье. — Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. — 172 с.

¹⁴ Гордон, Л. А. Рабочий класс СССР тенденции и перспективы социально-экономического развития / Л. А. Гордон, А. К. Назимова — М. : Наука, 1985. — 221 с.; Волкогонов, Д. А. Научно-технический прогресс и развитие личности. — М. : Знание, 1997. — С. 45; Букин, С. С. Жилищная проблема в городах Сибири в XX веке // Гуманитарные науки в Сибири. — 2007. — № 2. — С. 60—64; Кабытов, П. С. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. — М. : Мысль, 1988. — 230 с.; Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.) — М. : Изд-во Магистр, 1996. — 286 с.; Фельдман, М. А. Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900—1941 гг. // Вопросы истории. — 2007. — № 10. — С. 13—29.

¹⁵ Хлеб Прииртышья. — Омск : Кн. изд-во, 1999. — 400 с.; Роголина, Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1989. — 224 с.; Мороз, А. А. Лемех плуга сильнее меча. — 2-е изд., перераб. и доп. — Омск : Кн. изд-во, 2003. — 432 с.

Библиографический список

1. Ананьев, А. Итоги первой (6) Зап. - Сибирской краевой партконференции (январь 1932 года) : сб. материалов / А. Ананьев, П. Савичев — Новосибирск : Западно - Сибирское краевое изд-во, 1932. — 48 с.
2. За урожай. Материалы к посевной кампании для просветительных учреждений Омского округа. — Омск : Издание Омского ОКРОНО, 1929. — 19 с.
3. Минеев, М. Сельское хозяйство Западной Сибири / М. Минеев. — Москва-Ленинград : ОГИЗ — «Московский рабочий», 1931. — 26 с.
4. Черноголовин, В. П. Возделывание полевых культур в районах Омской области / В. П. Черноголовин // под ред. П. Г. Попова — Омск : ОМОГИЗ, 1935. — С. 3.
5. Ананьев, А. Итоги первой пятилетки Западной Сибири / А. Ананьев. — Новосибирск : Западно-Сибирское краевое изд-во, 1934. — 84 с.
6. Булатов, Д. Важнейшее условие победы в уборочной овладение техникой и полное использование сельскохозяйственных машин / Д. Булатов. — Омск : Омское областное изд-во, 1935. — 32 с.
7. Богденко, М. Л. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе / М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. — 192 с.
8. Краев, М. А. Победа колхозного строя в СССР / М. А. Краев. — М. : Гос. изд-во политической литературы, 1954. — С. 244—245.
9. Гуцин, Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции сельского хозяйства, 1926-1937 гг.) / Н. Я. Гуцин. — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 13.
10. Смирнова, М. С. Борьба партии Ленина - Сталина за подготовку массового колхозного движения / М. С. Смирнова. — М. : Госполитиздат, 1952. — 66 с.
11. Абрамов, Б. А. Партия большевиков — организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса / Б. А. Абрамов. — М. : Госполитиздат, 1952. — 58 с.
12. Вермель, Д. Ф. МТС — решающая сила в колхозном производстве / Д. Ф. Вермель, И. Е. Хлыстов — Омск : Омское книжное изд-во, 1953. — С. 7.

13. История Сибири. В 5 т. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. — Ленинград: Издательство Наука, 1968. — С. 378.

14. Волков, И. М. Основные проблемы истории колхозного крестьянства СССР / И. М. Волков, А. П. Тюрина // Проблемы истории советского крестьянства. — М.: Наука, 1981. — С. 50.

15. Арутюнян, Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929 — 1957 гг. (Формирование кадров массовых квалификаций) / Ю. В. Арутюнян. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. — С. 270 — 271.

16. Фатеев, В. Здравствуй, Любинский! Хроника жизни рабочего поселка Любинский и населенных пунктов Любинского района Омской области / В. Фатеев. — Омск: Книжное изд-во, 2007. — С. 107.

17. Мороз, А. А. Прошлое остается людям: Краткий хроничально-документальный очерк о развитии управления сельским

хозяйством в Омском Прииртышье / А. А. Мороз. — Омск: ОмГАУ, 2004. — С. 37.

18. Гордон, Л. А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30 — 40-е годы / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. — М.: Политиздат, 1989. — С. 83.

ЧИЧУЛИНА Вера Юрьевна, аспирантка кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: 644043, г. Омск, Наб. Тухачевского, 14. Кафедра отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 12.03.2010 г.

© В. Ю. Чичулина

Книжная полка

Моммзен, Т. История Рима / Т. Моммзен. — М.: Эксмо, 2010. — 448 с. — ISBN 978-5-699-41032-3.

«История Рима» — шедевр мировой научной литературы, оказавший огромное влияние на развитие мировой общественной мысли. Выдающийся немецкий историк, юрист, филолог Теодор Моммзен (1817 — 1903) написал лучшее классическое исследование по римской истории, за что был удостоен Нобелевской премии по литературе. Ученым были собраны и систематизированы более ста тысяч уникальных документов. Моммзен, как никто другой, сумел вдохнуть жизнь в древние документы, воссоздав в своем исследовании и обстоятельную хронику событий, и живую атмосферу Древнего Рима. Читателя ждет увлекательное путешествие к берегам Тибра, в глубь веков с момента основания Вечного города до истории римских провинций и закатных дней империи.

История субъективности: Древняя Русь. — М.: Гаудеамус, 2010. — 348 с. — ISBN 978-5-98426-106-7.

В издании представлены свидетельства о себе древнерусских авторов XII — XVII вв. Во вводной статье дается общая картина феномена русской средневековой автобиографии и история его изучения. Публикуемые тексты снабжены краткими биографическими справками об их создателях, а также комментариями исторического и филологического характера, необходимыми для их понимания современным читателем. В приложении приводятся работы исследователей, рассматривающие древнерусские автобиографические сочинения в историко-культурном ключе. Книга адресована в первую очередь преподавателям и студентам вузов: историкам, культурологам, филологам, антропологам, психологам и предназначена для использования в учебных курсах по соответствующим специальностям. Она призвана способствовать оживлению исследовательского интереса к древнерусским автобиографическим свидетельствам, а также к проблемам личности в русской истории и культуре.

Кожин, В. Правда сталинских репрессий, или Кому нужны большие жертвы / В. Кожин. — М.: Эксмо, 2010. — 448 с. — ISBN 978-5-699-45438-9.

Эту книгу Вадима Кожина, выдержавшую не одно переиздание, отличает неординарность суждений и неожиданность выводов, как, впрочем, и другие его работы. С фактами и цифрами в руках автор приступил к исследованию тем, на которые до сих пор наложено демократическое табу: о роли евреев в истории Советского Союза, об истинных пружинах сталинских репрессий. При этом одним из главных достоинств его исследований является историческая объективность.

Кшесинская, М. Воспоминания / М. Кшесинская. — М.: Центрполиграф, 2010. — 415 с. — ISBN 978-5-9524-4400-3.

Судьба знаменитой балерины, неповторимой и загадочной Матильды Кшесинской, подруги наследника престола и жены великого князя, не перестает привлекать к себе внимание. В мемуарах, которые она написала вместе с мужем, великим князем Андреем Владимировичем, Кшесинская знакомит с семейными преданиями и рассказывает о наиболее ярких эпизодах своей творческой судьбы в России и в эмиграции.